

АННА ВИРСОВА

ПОЦЕЛУЙНЫЙ
ОБРЯД

Анна Вирсова

Поцелуйный обряд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69811996

SelfPub; 2023

Аннотация

Настя Пугачёва переезжает в Петербург со своим отцом, чтобы сменить обстановку и побороть долгую депрессию. Её семья и подруга детства стараются помочь ей снова чувствовать жизнь и идти ей на встречу. Но по-настоящему её жизнь начинает меняться после неожиданного знакомства на ночной улице города.

Анна Вирсова

Поцелуйный обряд

*

–Исполним вечернюю молитву нашу Господеви,– провозгласил священник из алтаря.

– Господи, помилуй,– ответил хор.

Настя стояла в притворе храма, прислонившись плечом к белой холодной стене. Под высоким, залитым светом сводом, она была лишь небольшим тёмным пятнышком. В воздухе витал пряный запах ладана и тающего воска. Поля икон сверкали позолотой, когда жёлтые огоньки свечей и лампад, отражаясь от гладких рамок, создавали приятные блики. Большое паникадило освещало всё пространство храма, за исключением отдалённой части купола, куда из маленьких окошек просочилась тень. Со стороны правого клироса доносились различные голоса: некоторые из них были высокими и скрипучими, другие низкими и вибрирующими, похожими на голос трубы или контрабаса. Все они, соединяясь в один поток, разливались в воздухе хрустальным оркестровым пением, многократно отражаясь от выбеленных шероховатых стен, так что создавалось впечатление будто звук исходит от неба. Девушка стояла одна, в стороне от других прихожан. Ей казалось, что взгляды окружающих направлены на неё, и что они видят её насквозь. Потухшие карие гла-

за опустились на выложенный плиткой пол, чтобы сосредоточиться на словах молитвы, но мысли девушки были где-то далеко. Она чувствовала себя так, будто вместо сердца в её груди бьётся тяжёлый камень с огромной болючей трещиной и тянет её вниз к земле. «Мне так неудобно здесь. Может уйти?..»

Воспитание в религиозной семье и внутренняя привычка противились подобной мысли, и она осталась на месте. Со временем храм наполнялся всё больше и больше, Настя чувствовала себя окружённой со всех сторон. В определённый момент ею овладела тревога: дышать стало тяжело, её неожиданно бросило в жар. «Всё... Я не могу... Я хочу уйти...» Она наклонила голову и зажмурила глаза, чтобы даже случайно не столкнуться взглядом с какой-нибудь иконой, вдруг свет погас. Люди вокруг поспешили потушить свечи, оставив только разноцветные огоньки лампад. На середину храма вышел чтец с небольшой книгой и свечой. Его голос был на порядок тише хора и куда менее мелодичным: он чётко проговаривал слова псалмов в определённом темпе, создавая необходимый настрой. Настя осторожно подняла глаза и осмотрелась: все вокруг ровно стояли на своих местах, опустив головы вниз. Посторонние звуки исчезли, осталась только тишина и равномерный голос чтеца, резонирующий в стенах храма. Постепенно в темноте начали проявляться лики святых на иконостасе и отдельных иконах, стены храма улавливали малейшие фотоны света с улицы, очерчивая

внешние очертания предметов. Взгляд девушки привлекла икона, находящаяся справа от царских врат. На ней изображён Спаситель с поднятой для благословения рукой и раскрытой книгой. Тревога ушла куда-то прочь, девушка успокоилась. Казалось, слова молитвы из воздуха, проникая в уши, попадали прямо в сердце, согревая его и делая мягче. Настя выдохнула с облегчением, стараясь раствориться в моменте и насладиться драгоценными минутами мира. «Это ненадолго, наверно.» Она обратила взгляд к подсвеченному в темноте лику, словно к маяку, боясь потерять время и заговорила про себя:

– «Господи, что со мной? Мне так одиноко и тошно, я никого не хочу видеть, ни с кем не хочу разговаривать, меня не понимают. У меня нет сил что-то делать, да и делать мне нечего. Я лишняя, где бы мне не пришлось находиться», – она старалась продумать каждое слово, но в итоге говорила не о том, что нужно. Она не знала, какие слова подобрать для своего объяснения, в чём корень её печали. К горлу начал подступать ком, ей казалось, что, как бы она не давила на жалость, её никто не услышит. Глаза начали слезиться, все мысли куда-то исчезли.

– *Несть исцеления в плоти моей от лица гнева Твоего, несть мира в костях моих от лица грех моих,* – донесся голос чтеца.

Настя наклонила голову вниз и зажмурила глаза: две большие слезы каплями упали на холодный плиточный пол. Эта

фраза задела какой-то самый глубокий уголочек её души так, что сжалось сердце. «Почему на мне грех от того, что я страдаю?» Эта фраза вырвалась из тех же глубин окаменевшего сердца. Горячие слёзы периодически сбегали по её щекам, пока она старалась не терять связь с молитвой чтеца.

– Услыши мя в правде Твоей и не вниди в суд с рабом Твоим, *яко не оправдится пред Тобою всяк живый.*

«А кто же тогда оправдается?» Она сразу вспомнила своего отца. Он всегда был настоящим примером христианского благочестия и повторял ей одну и ту же фразу: «Помни, что Бог не такой как мы». «Он лучше нас», – додумала её маленькая Настя. Сейчас ей очень хотелось снова в это поверить. Она подняла мокрые глаза на знакомый лик.

– «Господи, я верю, что ты любишь меня, пожалуйста, помоги мне...» – девушка хотела продолжить, но резко включившийся свет ослепил её.

Белые лучики снова распространились по всему храму, прогоняя тень.

– Миром Господу помолимся, – раздался громкий пробуждающий голос из алтаря.

– Господи, помилуй, – ответил хор.

На улице было уже темно, горели фонари, и шёл небольшой неприятный дождик. Настя сняла с себя шёлковый нежно-голубой платок, аккуратно сложила его и убрала в маленькую сумочку, боясь намочить. Этот платок принадлежал

раньше её маме, которая, после долгих уговоров, подарила его ей. Длинные волосы цвета горького шоколада, получив свободу от платка, упали на покатые плечики девушки и закрыли её спину. Путь предстоял долгий, идти до дома ещё пол часа. Настя очень полюбила Петербург за этот месяц. Она уже успела привыкнуть к его широким проспектам, красивым домам, в которых когда-то жили люди, прославившиеся в науках, истории или искусстве, изобилию памятников и музеев. Улицы города освещались не только фонарями, но и красочными неоновыми вывесками, фарами многочисленных машин и небесными светилами, когда небо было чистым. Сейчас же сквозь тучи не было видно даже лунного света, не говоря уже о звёздах. Небо было так близко и высоко одновременно. Его мраком поглощался свет, исходящий с улиц, переплетённых друг с другом. Дома стояли очень близко, иногда они создавали сплошную стену. Общая картина ночного города напоминала светящийся лабиринт, лежащий под непроглядной пеленой чёрных туч. Капли нарастающего дождя блестели в тёплом свете фонарей. Настя ускорила шаг, так как не взяла с собой зонт и уже вымокла. Любимое драповое пальто было сырое, волосы перестали пушиться, стали гладкими и тёмными, её смуглое личико блестело от воды. Людей на улице было много, и Настя старалась идти ближе к дороге и не смотреть на прохожих. Вскоре она разглядела вдали высокий купол Спаса-на-Крови.

Ключ осторожно повернулся в замочной скважине, и

дверь открылась. Свет горел только в прихожей, остальные комнаты были в тени. Девушка сняла обувь и заглянула в комнату справа от неё: отец уже спит. Повесив своё мокрое пальто сушиться, она направилась в комнату, располагавшуюся напротив входной двери. Около окна стоял небольшой стеклянный столик, на котором появился пышный букет одуванчиков. Настя потянулась к нему и вдохнула цветочный аромат. Она невольно улыбнулась и присела за столик, разглядывая маленькие солнышки, но уже через минуту её глаза опять увлажнились. Только очень близкие люди знали, как сильно она любит эти цветы. Отец по весне часто приносил такие букеты, с ещё жёлтыми цветами, когда они жили в Воронеже. Мама не разделяла её любовь к «сорнякам» и ругалась, когда белый пух разлетался по всему дому. Папа тоже ругался, но вскоре приносил новый букет. Настя переделалась в сухую одежду и наконец-то согрелась. Не смотря на усталость, Настя совсем не хотела спать. Её излюбленное место было на подоконнике в гостиной, откуда открывался красивый вид на город и храм Спаса-на-Крови. Ночами здесь можно думать о чём-то своём в одиночестве, а иногда лить слёзы. Не изменяя привычкам, девушка открыла окно и села в комнате, освещённой лишь настенной лампой, прижав колени к груди. Её глаза бесцельно смотрели на улицу. Дождь продолжал лить с новой силой, создавая приятный шум и прохладу.

Её размышления снова вернулись к отцу. Настя считала

его человеком с широкой душой и добрым сердцем, он был для неё примером, который она не могла достичь. Владимир Пугачёв всегда очень внимателен к людям и может заметить даже маленькую печаль в глазах собеседника и, конечно же, замечал её в глазах и поведении собственной дочери. До сего времени его попытки поговорить с ней не увенчались успехом. Ей было стыдно. Она боялась разочаровать его. С мамой отношения были еще хуже: из-за недопонимания часто возникали споры на ровном месте, которые отдаляли их друг от друга всё больше и больше. Мама осталась в Воронеже с младшей сестрой-первоклашкой до конца учебного года. Сначала Настя была рада освободиться от её контроля, но со временем по-настоящему заскучала. Она надеялась, что смена обстановки поможет ей прийти в себя, поэтому, долго не думая, перевелась на заочное обучение и до сих пор не могла понять, хочет ли она вообще продолжать учиться.

В забытии на подоконнике она провела много времени. Уже выключился свет на улице, и скоро начинает светать, но из-за туч было по-прежнему темно. Дождь то ослабевал, то вовсе прекращался, то начинался снова. Она уже замёрзла у открытого окна, но никак не могла заставить себя уйти. Воздух был влажный и свежий, мелкие капельки то и дело падали на неё. Только её рука потянулась, чтобы закрыть окно, как с улицы послышался чей-то голос.

– Миледи.

Девушка вздрогнула и выглянула на улицу. Под её окном

стоял высокий молодой человек, было слишком темно, чтобы разглядеть черты его лица. Было видно, что он давно гуляет под дождём: он стоял без зонта с взъерошенной копной волос на голове и в мокрой одежде. Он смотрел на неё и улыбался.

– Вы слишком прекрасны, чтобы грустить у окна в полном одиночестве, думаю, улыбка вам идёт куда больше, – продолжил незнакомец приятным и мягким голосом, похожим на кошачье мурлыканье.

Уголки губ девушки невольно поползли вверх, но она поспешила отвернуться, чтобы он этого не заметил.

– Что вы, милостивый государь, вам не стоило выходить из своих покоев в столь поздний час для такой неожиданной встречи. Ваш комплимент мне весьма приятен, но позвольте уточнить, какова цель вашего визита? – сказала она максимально уверенным тоном с ноткой сарказма.

Парень улыбнулся ещё шире, почти засмеялся, и немного наклонил голову.

– Не подскажешь сколько времени? – после небольшой паузы, всё тем же тоном спросил он, подняв глаза.

Она помедлила и пошла за телефоном, лежащим на обеденном столе. Было 3:45. У неё возникла мысль предложить ему зонт. «Он уже промок», – сказал кто-то в ее голове, и с этим она не могла спорить.

– Без пятнадцати четыре, – ответила она подходя к окну.

– Благодарю, миледи, прошу простить меня за беспокой-

ство, – он слегка поклонился и пошёл дальше.

Настя ещё какое-то время стояла, глядя в открытое окно и пытаясь переварить происшедшее. Её не покидало странное ощущение, она не могла перестать думать об этом парне с очаровательной улыбкой. Дождь на улице усилился. «Надо было дать ему зонт», – с сожалением подумала она и, наконец, закрыла окно и направилась в свою комнату.

*

Даже утром серые тучи не собирались покидать петербургское небо. В гостиной было достаточно светло, несмотря на погоду: в ней было два больших окна, светлые стены и потолок. Слева от входа располагалась встроенная кухня, справа вдоль стены стояли два белых стеклянных шкафа с фарфоровой посудой, оставшейся от прежних хозяев, между шкафами висело большое зеркало. По середине комнаты стоял большой дубовый стол с резными ножками, окружённый подходящими по стилю стульями с обивкой. Над столом большая люстра похожая на подсвечник. Интерьер этой комнаты, как и всей квартиры в целом, был пропитан духом северной столицы и по своему пафосу отдалённо напоминал Эрмитаж или любой другой исторический музей. Нынешний хозяин квартиры не был поклонником всего изящного и богатого в отличие от представительниц прекрасной части своей семьи.

За столом, обхватив ладонями ещё тёплую чашку с душистым чаем, сидел высокий крепкий мужчина, лет соро-

ка. Его загорелые руки казались неестественно большими по сравнению с хрупким фарфором. Напротив, прислонившись к спинке стула и положив ногу на ногу, сидела светловолосая девушка, перед которой стояла такая же чашка. Они уже около получаса разговаривали о переменчивой погоде, последних событиях, новостях, вкусном чае, пока общие темы для разговора не закончились. В воздухе повисла неловкая пауза. Девушка пододвинулась к столу и сделала маленький глоток из своей чашки, после чего нерешительно посмотрела на своего собеседника. Он заметил вопрос, застывший на её лице.

– Дядь Вов... – многозначительно спросила она.

– Да, тётя Ксюша, – усмехнувшись, ответил он.

– Мне нужен совет, – сквозь смешок осторожно сказала девушка.

– Я тебя слушаю, – он отставил чашку и положил на стол руки, изображающие своего рода шпиль.

Такая ситуация не была чем-то необычным, по той простой причине, что Ксюша общалась с отцом своей подруги не меньше, чем с ней самой. С самого детства и по сей день она была вхожа в их дом, где никогда не чувствовала себя лишней. Владимир Пугачёв был неоспоримым авторитетом не только среди её знакомых, но и всего Воронежа в целом. Она знала, что ему не страшно задавать глупые вопросы и просить совет: он всегда спокойно с улыбкой отвечал на всё. Но с каждым годом предметы обсуждения становились всё

более серьёзными и более личными.

Глаза Владимира, похожие на черные бусины, в которых с трудом можно было отыскать зрачок, смотрели на Ксюшу из-под густых бровей. По началу этот взгляд казался строгим, даже пугающим из-за своей пронизательности, но в последствии располагал к себе. Мужчина носил бороду и длинные с проседью волосы, забранные в низкий хвост. Он был крупным предпринимателем, но внешность делала его похожим на священника, поэтому иногда между собой близкие люди называли его «отец Владимир».

Девушка сделала небольшую паузу, собралась с мыслями и продолжила.

– Вот представим себе ситуацию, – она хотела завуалированно объяснить своё положение, хотя прекрасно понимала, что «дядя Вова» уже с лёгкостью догадался о чём пойдёт речь, – есть девушка, у неё есть парень, у которого есть определённые проблемы.

Мужчина утвердительно кивнул.

– Вот, и эта девушка хотела ему помочь, ну поддержать, так сказать. Она пыталась его отвлечь, вытащить из дома, но саму проблему решить она не могла, – к этому моменту Ксюша начала говорить серьёзней, – ей кажется, что она делает только хуже, потому что её парень стал раздражительным, он всё больше закрывается от неё и от других и вообще, – девушка говорила медленно, глядя в свою чашку, – Она очень хочет его вытащить из жесточайшей депрессии, но по факту

у неё получается только усугублять его положение. Что ей делать? Как вы считаете?

В этом году Ксюша заканчивала в СПбГУ первый курс физфака, а её парень – юрфака, но проблема была в том, что он не хотел быть юристом, он мечтал быть полицейским, но травма головы и провал испытаний на телеграфе нарушили его планы.

Владимир ненадолго отвёл взгляд, после чего тепло посмотрел на девушку, слегка приподняв брови. Он прекрасно понимал о чём она говорит, так как сам находился в похожей ситуации.

– Я считаю, что она всё делает *правильно*, – начал он. Девушка с надеждой подняла глаза, – всё, что ты делаешь ради любви, когда-нибудь принесёт свои плоды. Немного терпения, и ты увидишь, как Бог распорядится твоими добрыми делами.

Ей не особо верилось в то, что всё со временем решится само собой, но она выдохнула с облегчением, поскольку нашла одобрение и поддержку.

– Расскажи-ка лучше про своего Ваню, какой у него характер, чем он увлекается? Может у него есть предрасположенность к чему-то?

– Да какая предрасположенность! – её серые глаза сверкнули, брови нахмурились, – ничего он не умеет, умом не блещет, раньше хоть спортом занимался, чтобы поступить, а сейчас...

—Он кажется в художку ходил...— послышался тихий голос из коридора.

Настя стояла в дверях, прислонившись к косяку, она была ещё слишком сонной, чтобы полноценно вступать в диалог. Её лицо было слегка опухшее, растрёпанные волосы наскоро забраны заколкой. Горло немного першило, наверно из-за ночных посиделок у окна. Её отец и подруга резко ожили.

— Это кто у нас проснулся,— с иронией сказала Ксюша,— даже двенадцати ещё нет, на рекорд идём.

—Ой, всё! — отмахнулась Настя.

— Чай, кофе? — спросил мужчина, намереваясь встать.

—Я сама,— тихо ответила девушка и придержала его за плечо.

Настя повернулась к кухне и потянулась за чашкой. После небольшой паузы Ксюша продолжила прерванную беседу.

— Да, он закончил художку, его родители заставили, сам он ненавидел туда ходить. Хотя помню, что в школе ему нравилось черчение, изо не очень...

— Угу, он мне однажды рисовал какую-то деталь за шоколадку, — снова подала голос Настя.

— Так, ты меня не перебивай,— серьёзно сказала Ксюша, хотя на самом деле эти перипетии были элементом шутки. Владимира всегда умиляли такие беседы,— что там дальше-то... а вот! Он довольно внимателен к деталям, ну там причинно-следственные связи, всё такое... воображение у него хорошее...

– Пространственное мышление, – в полголоса сказала Настя, как пояснение для своего отца, попутно присаживаясь на свободный стул между ними.

Ксюша строго посмотрела на подругу. Когда она пыталась быть серьёзной, её личико становилось забавным: аккуратные круглые глаза открывались широко и казались ещё круглее, брови хмурились, тонкие губы поджимались так, что практически пропадали. Ещё она любила немного наклонять голову и делать взгляд злым, что совсем не подходило её хрупкой внешности. Девушка демонстративно закатила глаза и тяжело вздохнула.

– Пространственное мышление, – с обреченным видом согласилась она.

После этого ни Настя, ни её отец не смогли сдержать смех. Ксюша резко сбросила свою серьёзную маску и смущённо посмотрела на них.

– Ну всё, пошутили и хватит... – она покраснела.

– Нас просто восхищают твои актёрские способности, – сказал Владимир, – скажи, а он усидчивый?

– Абсолютно нет, – не задумываясь, ответила девушка.

– А что на счёт ответственности?

Ксюша задумалась. Года два назад она бы даже не думая, ответила «нет», но не сейчас. Она всегда знала Ваню как дебошира, который сначала делает, а потом думает или не думает вовсе. Ему точно будет, что рассказать внукам, не считая алкогольных приключений. Но в 11 классе многое изме-

нилось, как минимум отношение к учёбе. Он начал усердно учить историю и обществознание и сдавал профильную математику на всякий случай. И сдал очень хорошо, на удивление учителей, родителей и одноклассников. Однажды он сказал Ксюше, что бросил бы всё, если бы она не была рядом. Но не за долго до похода за справкой для поступления, он провожал её до дома, и в одном из переулков они наткнулись на неприятного вида компанию, от которой в итоге пришлось отбиваться. Во время потасовки его хорошо приложили головой об стену, что повлияло в дальнейшем на его планы. Возможно, он винил её в этом, где-то глубоко в душе. Возможно, она тоже винила себя.

– Ну временами, по необходимости, – наконец ответила она.

– Хорошо, а как он относится к тому, чтобы заработать?

– Я думаю, как любой студент, он будет рад, – этот вопрос ей показался неожиданным.

– Не знаешь во сколько он будет дома?

– Он сейчас на больничном.

– Ну тогда мне точно стоит его навестить, – мужчина загадочно улыбнулся.

– Спасибо, – только и сказала Ксюша.

Настя в какой-то момент задумалась глядя в окно, за которым виднелся собор Спаса-на-Крови. Её отец обратил на это внимание, когда разговор с Ксюшей закончился.

– Какие у вас планы на сегодня? – спросил он.

Настя не сразу поняла, что это обращение и к ней в том числе, пока отец не посмотрел на неё.

– Никаких, – сказала она.

– О, раз ты сегодня не занята, предлагаю сходить погулять по городу, – сразу включилась Ксюша.

– Да как-то честно говоря настроения нет...

– Сходи, развейся, не думаю, что сидеть в четырёх стенах лучше, Петербург красивый в любую погоду, – убеждал её отец.

После недолгих уговоров девушка всё-таки согласилась, не желая быть объектом внимания. Позавтракав, она направилась в свою спальню, чтобы привести себя в порядок. Эта комната была одной из немногих, где общий колорит петербургской квартиры был нарушен. Она была небольшой, такой же светлой и с большим окном. В ней был небольшой, но мягкий и удобный диван нежно-розового цвета, который трансформировался в кровать, по середине комнаты стоял пуфик в том же стиле. Рядом с диваном располагался белый комод с позолоченными ручками, возле него большое зеркало в такой же раме. У противоположной стены стоял белый шкаф с одеждой. На стеклянном столике у окна цветки одуванчиков, не смотря на хорошую освещённость, начинали закрываться. На полу лежал большой кремовый мягкий ковёр. Комната была чистой, в том смысле, что в ней не было открытых полок, где лежали бы вещи, всё было спрятанно от глаз по разным ящичкам и даже случайные вещи в

этой комнате не оставались на виду. Декоративные вазочки с сухоцветами, свечи, маленькие фигурки раньше стояли на комодe, но потом перекочевали на пол рядом с зеркалом. Но даже там хозяйка комнаты постоянно меняла комбинации этого декора и не могла найти окончательный вариант. Полное отсутствие мелких вещей делало комнату пустой и совсем необжитой, что тоже не нравилось Насте.

Ксюша долго ждала, пока подруга соберётся, уложит свои длинные волосы легкими локонами, и в итоге решила дождаться её на улице.

Перед самым уходом Настя заглянула в комнату отца, поскольку не знала, когда он вернётся с очередных встреч с партнёрами, которых сегодня было три, хотя сама не планировала гулять долго. Она осторожно постучалась в приоткрытую дверь и зашла внутрь. Эту комнату она считала самой уютной во всей квартире, хотя в ней почти ничего не было: тёмно-коричневая двуспальная кровать, такая же прикроватная тумбочка, на которой расположились иконы и две красные, уже потрёпанные книжки, одна из которых была молитвословом, а другая – Евангелием, шкаф и письменный стол. Здесь были серые стены, как и в прихожей, и паркетный пол. Владимир в деловом костюме сидел на кровати, складывая необходимые бумаги в кожаный портфель.

– Ну, собралась ли, – сказал он, увидев её.

Мужчина подошёл и приобнял дочь. Он уже много раз пытался поговорить с ней, помочь справиться с унынием, но де-

вушка не хотела открываться. Он старался быть терпеливым и заботливым, чтобы дочь знала, что её любят, и его двери всегда открыты для нее.

– Спасибо за одуванчики, мне очень приятно.

– Было бы за что. Ну всё беги, а то Ксюша тебя уже заждалась, наверно. Не знаю, когда вернусь, но если что звони, – он улыбнулся и поцеловал её в щёку. Она ответила тем же.

Выйдя на улицу, девушка почувствовала пустоту внутри себя. Неприятное ощущение, как если бы вместо грудной клетки у нее был холодный и сырой ящик.

– Наконец-то, я уж думала состарюсь, – сказала Ксюша, закутываясь в чёрно-белый пиджак и поправляя ворот тёплой водолазки.

Настя не обратила на это внимание, лишь посмотрела в сторону своего окна, туда, где сегодня ночью стоял тот парень, он так и не выходил у неё из головы.

Серые тучи укрывали город от прямых солнечных лучей, словно отгораживая его от остального мира. После ночного ливня дороги блестели от воды, дул сильный ветер, воздух был влажный и прохладный. Такая погода свойственна Петербургу, многих она отталкивает, но не становится от этого неприятной. Она дополняет этот город, делает его загадочным и доступным не для всех: яркие краски тускнеют, блеск позолоты исчезает совсем, а изящные орнаменты и украшения мимикрируют под трещины, пятна, коррозию. Лишь лю-

ди с встроенным в глаза рефрактометром способны обнаружить подлинную красоту города. Фасадный Петербург завораживает, его хочется рассмотреть, понять, прочувствовать. Каждое здание имеет свою особенность, но при этом сочетается со всеми остальными. Даже время и новые технологии не способны разрушить пафос имперской России, его здесь берегут с особым трепетом. Эти улицы живут вне времени, они существуют одновременно в четырёх веках. Насте нравилось это ощущение, она считала этот город своей родственной душой. Девушка хотела забыться на какой-то момент, ведь если нет времени, значит нет и суеты. Но подруга тянула её вперёд, чтобы показать, как можно больше. Ксюша старалась рассказать всё что знает об этом городе и его интересных местах, хотя прекрасно понимала, что её знания скудные.

Они шли вдоль Невского проспекта в сторону набережной, после чего повернули на маленькую уютную улочку и через Триумфальную арку вышли на Дворцовую площадь. Настя представляла её иначе, вживую все архитектурные памятники казались более масштабными, детальными. Она застыла, как только увидела здание Зимнего дворца. Её карамельные глаза не могли оторваться от его приятного бирюзового цвета, белоснежных колон, арок, узорчатых украшений, скульптур. Ксюша как всегда поспешила вперёд, но Настя придержала её за локоть. Они медленно пошли вперёд, рассматривая Александровскую колонну и венчающего её хе-

рувима. Левой рукой он держит крест, попирающий змея. Когда девушки подошли ближе, взгляд ангела с высокого серого неба, казалось, смотрел прямо на них. Этот взгляд породил в сердце Насти приятное щемящее чувство, будто побуждая к чему-то.

– Александру Первому благодарная Россия, – прочитала Ксюша надпись на подножии колоны, – как же тут много людей...

Площадь и правда была переполнена туристами, экскурсионными группами и обычными прохожими. Настя старалась не обращать на них внимание.

Следующим местом экскурсии стала Дворцовая набережная. Нева тихо протестовала и билась о гранитный берег, создавая приятный шум. Серебряная вода отливала металлическим блеском. Подруги остановились у Дворцового моста. Настя замороженно смотрела на волнующуюся воду, потом перевела взгляд на Ксюшу. Круглые серые глаза подруги отразили гладь Невы и вобрали в себя её цвет. Светлые локоны слегка колыхались от ветра, а кожа в такую погоду покрылась румянцем. Ксюша не могла долго стоять спокойно и переминалась с ноги на ногу, при этом её кожаные брюки издавали какой-то шелестящий звук. Глядя на неё, Настя невольно вспоминала маму, у которой такие же светлые волосы и глаза.

– Ты чего? – Ксюша наконец заметила её пристальный взгляд.

Настя испытала в тот момент странное чувство. Она была легко одета для такой погоды: чёрная шёлковая майка, белая короткая юбка с корсетом на шнуровке, даже тёплый кардиган мало спасал её от холода. Но несмотря на это, она неожиданно согрелась, глядя на Ксюшу. Настя обняла её, подруга удивилась, но ответила тем же.

– Ксю, ты такая красивая.

Ксюшины брови удивлённо подскочили. Так к ней обращался только Ваня.

– Мать, ты не заболела? – спросила она, трогая ладошкой лоб подруги.

Настя ослабила хватку, а потом и вовсе отпустила руки. Они медленно направились дальше вдоль набережной.

– Если серьёзно, ты так изменилась за последний год, – продолжила Ксюша, – такая молчаливая стала, грустная. Даже побледнела мне кажется...

На самом деле эти изменения произошли намного раньше, но ответственный период, экзамены, поступление помогли их скрыть.

– Да всё в порядке, просто... – девушка запнулась, поскольку не знала стоит ли расстраивать, – вы все разъехались, мне было скучно без вас.

Насте действительно было одиноко. Даже в окружении своей семьи и друзей она чувствовала себя лишней, никто до конца не понимал её, а иногда нужного человека просто не было рядом. Она не могла поделиться с кем-то своими чув-

ствами, мыслями, которые периодически мучали её ночами. В ней было много сил и жизни, но не было вектора. Она не знала, чему хочет посвятить свою жизнь и в какое русло направить свои таланты. Она понемногу умела всё: вышивать, рисовать, петь, переводить несложные тексты, писать собственные- но ничего из этого не приносило ей счастья. Она стала замыкаться и, по итогу, перестала обращать внимание на других, в ней поселилось равнодушие ей не свойственное. Возвращение к религии поначалу спасало её, но со временем стало ясно, что настоящая вера ещё не окрепла.

– Ну теперь ты будешь жить здесь, мы будем видеться чаще, да и вообще, ты сможешь найти новых знакомых, если конечно не будешь сидеть дома,– Ксюша немного помолчала,– я хочу тебя подружить кое с кем.

Она хитро улыбнулась и посмотрела на Настю.

– Мне это не нравится... С кем?

– Зря ты так, хороший парень, один из немногих, а вернее единственный, Ванин друг, которого я уважаю. Мне кажется у вас много общего.

– Например? – сердито спросила Настя.

– Ну не злись ты, он правда очень хороший, добрый, любит природу, искусство, он вообще историк и... тоже страдает от одиночества.

– Почему же, раз он такой прекрасный?

Ксюша замолчала, боясь разозлить её ещё больше. Трепетнее всего Настя относилась к своим романтическим чув-

ствам и терпеть не могла, когда ей кого-то предлагали. Тем более, что её мысли уже были заняты. Ей был приятен образ того человека, который стоял ночью под её окном, она сова и снова вспоминала его голос. Девушка не понимала, чем он мог зацепить её за столь короткий и непримечательный диалог.

Вскоре подруги дошли до Медного всадника. В образе Петра I Настя увидела черты греческого царя: он был одет в порфиру и хитон, на голове можно было разглядеть лавровый венец. Под ним боевой конь, удерживающий задними копытами длинного змея. Гранитный монолит, на котором расположена скульптура, напоминал морскую волну, подчинившуюся воле императора. Памятник выглядел живым, несмотря на жёсткость металла, ненатуральные размеры и цвет. Изображение было реалистичным и детальным. Проходя мимо всадника, Настя хотела ускорить шаг, поскольку ей казалось, что ещё мгновение, и он сорвётся с места и поскачет прямо на них в сторону волнующейся Невы, чтобы показать свою власть над бушующей стихией и, спрыгнув в воду, сразу же пойдёт ко дну. Девушка представила, как длинный жирный *змей*, освободившись, поднимет свою голову на постаменте и посмеётся ему во след. В её голове наравне с этим образом появился образ херувима. «Неужели *так* он может вырасти, если его не убить...»

—Ну чего ты замерла, пойдём,— потянула Ксюша.

Подруги двинулись дальше в сторону Исаакиевского со-

бора. Крестообразное строение с четырьмя угловыми главами-звонницами и большим центральным куполом. Храм украшен гранитными колоннами, позеленевшими от времени скульптурами и фронтонами. Позолоченную ротонду освещал мягкий свет, просочившийся через слой облаков и упавший на купол. Настя обратила внимание на клумбу с нежно-розовыми пионами, расположенную напротив восточной части собора. Девушка не удержалась, подошла ближе и вдохнула сладкий аромат пышных цветов. Ксюша присоединилась к ней.

Позднее они блуждали по незнакомым Насте улицами, где им не встретились больше знаменитые памятники архитектуры.

– А Ваня правда заболел? – нарушив молчание спросила Настя.

– Да, правда, не понятно чем,– ответила Ксюша после небольшой паузы,– у него температура высокая, 38 примерно, чувствует себя плохо, голова болит, но признаков простуды и прочей заразы нет. У него часто так последнее время, с небольшими перерывами.

– Отчего это может быть?

– Не знаю, может допился просто...– она сказала это тихо, как будто из самой глубины обеспокоенной души,– он не просыхал неделями, я его таким никогда не видела раньше, аж дрожь берёт. Не знаю, как он первую сессию закрыл. С общаги выгнали, и его друг приютил, ну тот самый о кото-

ром я говорила,— добавили она мельком,— он же и пить его заставил бросить. Теперь вот болеет. Мне кажется он не закончит первый курс, возможно это и было в его планах.

— А вы часто видите, общаетесь? — осторожно спросила Настя.

— Не особо, но в последнее время чаще. Когда он жил в общежитии, то даже на сообщения редко отвечал, орал на меня постоянно, я так злилась на него... почти ненавидела. В какой-то момент он так задел меня, что я не приходила к нему совсем. Мы не общались почти два месяца и чуть не расстались. После переезда он стал трезветь и извиняться. Этот друг клялся и божился, что мой Ванечка искренне раскаивается и даже жалеет о содеянном. В жизни бы не поверила, если бы не считала его честным человеком. Мы стали общаться, он даже сам приходил ко мне, я думала, что всё налаживается, но... нет. Он болеет, во всех значениях этого слова, мне его очень жаль, но я ничем не могу помочь,— Настя потянулась к ней, увидев покрасневшие глаза Ксюши, но та резко отстранилась,— не надо, так только хуже будет,— сказала она с комом в горле.

— Как зовут его друга,— спустя время попыталась сменить тему Настя.

— Ясон.

— Ясон? Он что грек?

— Нет, я уже пыталась его этим вопросом,— на Ксюшином лице появилась хитрая улыбка,— заинтересовал всё-таки?

Настя тяжело вздохнула и закатила глаза.

– Вовсе нет, ну возможно, он правда хороший человек, его девушке очень повезёт.

– Ну-ну.

Настя не хотела продолжать диалог в таком ключе, она боролась с желанием рассказать о сегодняшней ночи, и оно наконец победило.

– Слушай, я хотела тебе рассказать кое-что, ничего искобо интересного, но всё же. Сегодня ночью... – неуверенно начала девушка.

– Ну наконец-то мы пришли! – перебила Ксюша.

Они остановились напротив небольшого крыльца, над которым висела светящаяся надпись. По обе стороны от него располагались панорамные окна, открывающие внутреннее устройство магазина.

– Это конечно не «Дом книги» и не «Подписные издания», но не менее приятный книжный магазин, я знаю, ты такое любишь. Предлагаю тебе заглянуть, может найдёшь что-то интересное.

– А ты не пойдёшь со мной?

– Неет. Книжки – это скучно. Я пока возьму нам кофе – вот тут, – она показала на соседнее заведение, – ты не против?

Ксюша направилась к соседнему крыльцу. Настя потянула ручку двери на себя и зашла внутрь. Пространство магазина было огромное: большой зал овальной формы был уставлен деревянными стеллажами и стендами похожими на глобусы

или большие колонны. Яркие обложки привлекали к себе внимание, некоторые были знакомы Насте. Потолок, украшенный ренессансными рисунками, был настолько высокий, что, будь он чуть больше, его хватило бы на второй этаж. Белого света от высоких окон было достаточно для освещения зала. Магазин чем-то напоминал библиотеку Эскориала в Испании, что привлекало посетителей. Настя направилась в левый край зала, где было меньше всего людей, попутно разглядывая потолок. Вдоль стены стояли деревянные стеллажи со старинными книгами, которые от времени стали ещё ценнее. Стеллажи были высокие, почти под потолок, рядом с каждым располагалась спиральная кованая лестница. Настя ради интереса зашла по одной из них на самый верх: вид был очень красивый. Её приятно удивила атмосфера этого места, здесь хотелось провести как можно больше времени.

Она бы постояла там подольше, если бы не заметила странные взгляды в свою сторону. Девушка спустилась вниз и начала рассматривать содержимое полок. Как оказалось, книги были новые, но намеренно стилизованные под старину. Здесь были представлены произведения зарубежных авторов, в том числе классиков, в оригинале. Настя давно мечтала прочитать что-нибудь на английском или немецком, поэтому осталась здесь. Просмотрев всё до уровня глаз, она начала рассматривать полки повыше. Её внимание привлек «Фауст». Девушка даже не стала пробовать достать книгу с пола, а сразу пошла к лестнице, но и оттуда не могла дотя-

нуться: книга стояла у самого края стеллажа. Она наклонилась второй раз, и тут к ней подошёл высокий молодой человек и потянулся к той же книге. Он встал «на носочки» и ловким движением вытащил её из плотного ряда книг.

– Держи, – сказал он, протягивая книгу Насте.

Белый свет из окна падал прямо на него, освещая ярко-голубые глаза, выразительные скулы и слегка раздвоенный подбородок. Девушка смущенно забрала книгу, рассмотрев его мягкую руку и тонкую светлую кожу, через которую были видны вены. Он поправил тёмные волосы, открыв при этом высокий лоб.

– Спасибо, – робко ответила она.

– Ты хорошо знаешь немецкий? – поинтересовался он, разглядывая обложку.

Настя первый раз взглянула на книгу и снова обратилась к нему.

– Ну, не сказать, что совсем хорошо, но я думаю достаточно.

– Так завидую людям, которым легко даются языки, – он улыбнулся и, слегка прищурясь, посмотрел на неё, – Мрачноватая книга, мне кажется.

Смуглые щёки девушки покрылись румянцем от его взгляда. Такой же был у её отца, пронизательный, вдумчивый, но голубой цвет придавал ему ясность и кристальную чистоту. Ей казалось он видит её насквозь. Ей не давал покоя его голос, она его где-то слышала.

– Наверно это правда, мрачноватая. Но мне кажется у меня с Фаустом много общего,– она убрала с лица длинные вьющиеся пряди.

Его брови удивлённо подскочили. Настя испугалась, что сказала какую-то глупость.

– А так и не скажешь. Я думаю ты больше похожа на Марго Гретхен. Ну в начале трагедии,– поспешил добавить он,– ну то есть... ты понимаешь о чём я.

– Да, понимаю.

– Ты ведь не узнала меня, да?

Девушка опешила, она пыталась найти в чертах его лица что-то знакомое, но всё больше убеждалась, что не видела его раньше.

– Миледи? – он широко улыбнулся.

– Это был ты...

В Настинном сердце что-то ёкнуло. Она встретила с человеком, о котором она думала весь день.

– Прости, если напугал тебя, ты была такой потерянной... Всё в порядке?

Настя ни о чём не думала и не слышала его. В её голове было пусто, она просто смотрела на него округлившимися глазами и не могла отвести взгляд.

– Да... да всё хорошо,– наконец пришла она в себя.

– Я задерживаю тебя?

– Нет, что ты... хотя мне правда пора идти,– она вспомнила о Ксюше.

– В таком случае рад был увидеть тебя.

Они вместе направились в сторону кассы, а потом к выходу.

–И да, самое главное,– сказал он прежде чем уйти в другой конец магазина,– если встретишь чёрного пуделя, лучше к нему не подходи.

Девушка невольно улыбнулась и стояла, провожая его взглядом. Ей так хотелось пойти за ним. Она заставила себя сдвинуться с места, подойти к двери и взяться за ручку. «Может вернуться. Я даже не спросила его имя».

– Девушка, вы не могли бы... – послышался женский голос за спиной.

Настя повернулась и увидела молодую маму с малышом на руках и сумкой с книгами.

– Да, конечно, извините.

Она поспешила выйти и придержала дверь.

–Спасибо,– улыбнулась незнакомка.

Ксюша уже стояла с двумя стаканчиками кофе в руках.

– Прости я долго наверно, ты давно стоишь?

– Да нет, не очень,– ответила Ксюша, протягивая стаканчик,– Куда пойдём?

Настя зависла на несколько секунд. Она понимала, что потеряет его навсегда, если сейчас уйдёт. Но что-то запрещало ей самой сделать первый шаг. «Неужели ты будешь бегать за ним? Унижаться?» – сказал чей-то голос. Голос змея.

– Не знаю, а куда ты хочешь? – Настя решила, что если

подруга не предложит ей что-то весомое, она сейчас же вернётся в магазин.

– Ты знаешь, я хотела съездить к Ване сегодня, но не хочу одна. Можешь сходить со мной? Я думаю, он будет рад тебя увидеть.

«Весомо» – подумала Настя. Она давно не видела Ваню, тем более ему нужна поддержка, и Ксюше тоже. Они допили кофе и направились к ближайшей станции метро.

Ваня, укутавшись в плед, сидел на полу перед небольшим журнальным столиком, на котором лежали карандаши, ластик, линейка, транспортир, скетчбук и различные обезболивающие. Позади него располагалось большое окно, свет из которого перекрывала спинка дивана, служащего ему ещё и кроватью. Там же стоял старенький ноутбук, Ваня периодически обращался к нему, чтобы посмотреть что-то или найти. Он легко почеркивал карандашом на плотном белом листе, подперев голову рукой. Юноша часто останавливался, жмурил глаза и обхватывал руками голову, то ли от боли, то ли от нехватки вдохновения.

В дверь постучали. Парень удивился, поскольку не ждал гостей. Сбросив с себя плед, он направился в прихожую, где остановился, оперевшись о стену рядом с зеркалом. В глазах резко потемнело, но через несколько секунд он уже уверенно стоял на ногах. Ваня случайно кинул взгляд в зеркало на своё отражение: бледное опухшее лицо, мешки под глазами,

растрёпанные русые волосы. Парень тяжело вздохнул и поправил причёску. «Вот сейчас кто-то напугается» – подумал он. Ему не хотелось верить, что это его отражение. В дверь снова постучали. Ваня, не глядя в глазок и ничего не спрашивая, открыл дверь.

– Ничего себе, кто пришёл, – после небольшой паузы, сказал Ваня, – проходите.

Подруги зашли в квартиру и закрыли за собою дверь. Настя не могла себе представить такие изменения: парень больше походил на мертвеца, чем на живого человека. Она помнила янтарные рыжие глаза, светящиеся, как огонь, которые сейчас абсолютно потухли. Девушка потянулась, чтобы обнять его.

– Настюха, как давно я тебя не видел, – он был настолько худой, что Настя чувствовала каждую кость, которой касалась.

После он прижал к себе Ксюшу и поцеловал её бледными губами в висок.

– Ты один? – в пол голоса спросила Ксюша.

– Пока да, но он скоро должен прийти.

Ксюша бросила взгляд на Настю.

– Ну, Иван, рассказывай, чем занимаешься, – переводя тему, сказала Настя.

– А вот Анастасия Владимировна, работаю.

– Правда? – удивилась Ксюша.

– Правда, Ксения Сергеевна.

Они прошли в гостиную. Ваня убрал с дивана ноутбук и плед и предложил девушкам сесть. Настя подошла к столику и взглянула на рисунок, который представлял из себя набросок высокого здания, состоящий только из прямых линий.

– Около обеда сюда приехал твой отец и предложил мне сделать для него гравюру Благовещенского собора, ну нашего, Воронежского. Зачем она ему не знаешь?

В Ксюшиной голове сложился пазл. Отец Владимир решил дать Ване возможность попробовать себя в роли художника, что было очевидно, после всего того, что они с Настей рассказали. Ксюша немного разочаровалась, она посмотрела на Ванин набросок и поняла, что эта затея ни к чему не приведёт.

– Понятия не имею, – ответила Настя.

– Предложил сделать за «спасибо»? – поинтересовалась Ксюша.

– За 5-7 рублей, возможно больше, зависит от качества рисунка, – ответил Ваня, – но пока чёт не идёт.

«Хорошая мотивация» – подумала Ксюша.

– Как ты себя чувствуешь вообще? – спросила Настя, присаживаясь в кресло, находившееся справа от дивана.

– Да так, ничего, – явно привирая ответил он, – башка раскалывается только, и температура ещё, но сегодня поменьше, кстати.

– Ты пил что-нибудь? – спросила Ксюша.

– Лекарства ты имеешь в виду? Нет.

– Выпей, сразу лучше будет.

– Да пока нормально, – отмахнулся Ваня, – что делали сегодня?

Девушки рассказали о своей прогулке, о том, что происходило за последние несколько дней. Ваня внимательно слушал их и, казалось, вдыхал свежий воздух от этих разговоров. Он целыми неделями сидел дома, редко выходил на улицу. Дни тянутся однообразно и скучно. Единственная отрада для него – это Ксюша и лучший друг. Он до сих пор испытывал чувство вины перед ними, за все свои пьяные выходки, ссоры, оскорбления. Однажды он чуть не подрался с Ясоном из-за выброшенного алкоголя, но Ксюша встала у него на пути. Он бы никогда не простил себе если бы ударил её. Эта ситуация его отрезвила.

Насте стало душно, и она открыла форточку. Между Ваней и Ксюшей завязался разговор, и Настя не хотела ему мешать. Она тихонька отправилась к приоткрытой двери в другую комнату, предположительно Ясона.

Маленькое пространство комнаты было заполнено книгами: они стояли на полках шкафа, стопками на полу, письменном столе и даже кровати. Наравне с историческими справочниками были представители русской и зарубежной классики. Рядом с ноутбуком хаотично лежали листы с напечатанными статьями, отрывками летописей, писем, репродукциями картин и других артефактов. Здесь было темно и достаточно холодно из-за широко открытого окна, создавалось

впечатление, что ты находишься в чей-то норке. Настя подошла к столу и принялась рассматривать напечатанные иллюстрации, аккуратно перебирая листы. Она узнала различные иконы и фрески, но портреты ей были абсолютно незнакомы. Вдруг она наткнулась на картину, где была изображена девушка в белом платье с подносом в руках. Она стояла перед боярином, сидящим на стуле, и предлагала ему бокал с напитком. Рядом стояли её взволнованные родители.

– Ты что! Не трогай, – сказал Ваня заходя в комнату.

Настя вздрогнула от неожиданности.

– Он будет злиться? – спросила Настя, поспешно пытаюсь вернуть всё на свои места.

– Кто? Ясик? Нет конечно, – ответил Ваня и разложил всё как было, – просто это не красиво рыться в чужих вещах, тебя мама не учила?

– Это он просто для себя?

– Для курсовой наверно, – Ваня замер и тяжело вздохнул, – курсовая...

Настя обняла его за шею.

– Ну что ты, Ваня, всё будет хорошо. Если это не твоё, почему бы не бросить? Дай себе год на размышления, попробуй что-то новое, так и найдёшь занятие по душе, – сказала Настя, поглаживая его по голове.

– Да если бы всё так просто было: что я родителям скажу? А военкомату?

Настя пожала плечами и отпустила его.

– Как это мило,– сказала Ксюша, стоя в дверях.

Они вышли из комнаты и услышали, как хлопнула входная дверь. Ваня поспешил прикрыть дверь в комнату и направился в прихожую.

– Ну что, мой сладкий, ты купил, то что я просил? – слышался звонкий голос Вани.

– Да, всё кроме рамки, сам потом сходишь, выберешь, какая будет лучше,– ответил Ясон.

Настя оцепенела. «Этого не может быть.»

–Пойдём,– тихо позвала Ксюша, подхватывая её за руку.

– Ксюш...– не успела объяснить Настя, как они уже стояли в прихожей.

Рядом с Ваней стоял человек, с которым она встретилась сегодня в книжном магазине и ночью под своим окном. Она не могла пошевелиться и сделать вдох. Ей казалось, что даже сердце остановилось на несколько секунд, а потом начало биться чаще. Она боялась сделать лишнее движение, поэтому просто смотрела в чистые голубые глаза и ждала, что будет дальше.

– У нас гости,– сказал Ваня забирая из руки друга пакет со свёрнутым большим листом бумаги и уходя в гостиную.

Ясон впервые посмотрел на Настю и тоже на секунду замер. Он по-прежнему улыбнулся и подошёл ближе.

– Не ожидал тебя здесь увидеть,– сказал Ясон.

– Вы знакомы? – удивилась Ксюша, поглядывая то на Ясона, то на Настю.

– Меня зовут Ясон, – он протянул руку.

– Настя.

Кисть девушки слегка дрожала, пока не коснулась его тёплой мягкой руки.

– Теперь знакомы, – обратился он к Ксюше.

– Это наша общая подруга и одноклассница, – подытожила она.

– Я возьму у тебя несколько книжек потяжелее? – крикнул Ваня из комнаты.

– Да, бери, – ответил Ясон и снова посмотрел на Настю, – рад знакомству.

Они втроём прошли в гостиную, где Ваня уже раскладывал белый лист А3 на журнальном столе и разглаживал его с помощью книжек. Рядом на диване лежали новые карандаши и чёрные гелевые ручки, разные линейки, транспортир, готовальня. Ваня принялся рассматривать их и проверять. Настя под села к Ване и наблюдала за процессом, Ясон опустил в кресло, а Ксюша встала перед ними и загадочно прищурилась.

– Раз теперь мы все в сборе, господа, хочу предложить вам досуг на сегодняшний вечер, – начала Ксюша.

Все внимательно смотрели на неё.

– Предлагаю всем вместе сходить в какой-нибудь музей, – она обратилась к Ясону, – ты бы провёл для нас небольшую экскурсию.

– Сегодня... – задумался он, – давайте, я не против, если

вам будет интересно, я всегда к вашим услугам.

Ксюша умоляюще посмотрела на остальных. Настя понимала, что весь вечер с ним будет для неё наслаждением и наказанием одновременно. Ей хотелось узнать его поближе, но больше всего она не хотела, чтобы он знал о *ней* больше. Она посмотрела на Ваню и поняла, что его необходимо вывести куда-то в компании друзей, иначе он окончательно похоронит себя здесь.

– Я согласна, – бодро заявила она, повернувшись к Ване и начала трясти его за плечо, – Ванюш, соглашайся, мой хороший.

Ксюша присела перед ним и положила голову ему на колени

– Ну пожаааалуйста, – она смотрела на него серыми глазами, часто моргая и хлопая тонкими ресничками.

– Вы серьёзно... – опешил Ваня.

Ясон посмеивался в стороне.

– Даю тебе минуту, если не соглашаешься, я к ним присоединяюсь, – заявил он.

– Всё-всё! Ладно, пойдёмте, – сдался Ваня.

– Ну вот и договорились, – заликовала Ксюша.

В 7 часов вечера на улице уже начинало темнеть. Настя сидела в гостиной, освещённой одной лишь настенной лампой, глядя в одну точку на столе и перемещая массивный золотой перстень вдоль среднего пальца. Она уже много раз перебра-

ла в голове, как они встретятся у памятника Пушкину, пойдут внутрь Михайловского дворца, будут ходить по этажам, разглядывая картины и рассуждая об искусстве. Она боялась показаться глупой по сравнению с ним, незнающей самых элементарных вещей. Ей казалось, что она опять оцепенеет, как только увидит его, и не сможет проронить ни слова. Она долго ломала голову, собирая образ: ей хотелось выглядеть скромно и красиво. Её выбор пал на безрукавное тёмно-рыжее платье с вязаными вставками, к нему она подобрала перстень и серьги-кольца. Длинные шёлковые волосы были собраны в пышный пучок из которого выбились две ещё вьющиеся пряди.

Тело частично перестало её слушаться, она нервно вздрагивала при движениях, дышать было тяжело. От чего это? От того, что она боялась разочаровать его? Или от того, что он ей просто понравился? Или причина была в том, что она нашла в его глазах то, чего ей так не хватало?

Настя не двинулась с места, когда услышала, что пришёл отец. Сердце вздрогнуло, не хотелось наткнуться на серьёзный и личный разговор перед такой важной и без того нервной встречей. Но где-то глубоко она понимала, что именно такой разговор ей сейчас и нужен...

– Ты чего в темноте сидишь? – спросил Владимир и включил свет.

Настя зажмурилась, но продолжила сидеть, боясь пошевелиться и случайно выдать свою тревогу.

– Собралась куда-то,– говорил он задумчиво, будто сам с собой,– заплелась, накрутилась, а сидит без лица. Что случилось?

Он присел рядом с ней и с надеждой заглянул в глаза. Настя заставила себя посмотреть на отца: уставшее лицо, но такое спокойное. Она помнила его именно таким. Отец всегда много работал и не мог уделять ей много времени, хотя, наверное, очень хотел.

– Пап...

– М-м-м?

В горле встал ком, она не могла заставить себя заговорить и неосознанно закрыла рот рукой, стараясь выровнять дыхание.

–Ничего...– единственное, что она смогла сказать.

–Ну как ничего,– он терпеливо выдохнул,– очень даже чего. Такая красивая и такая печальная.

–Наверно красоту придумали, чтобы маскировать внутренние недостатки,– почти шёпотом, глядя в сторону ответила Настя.

– Нет, их так не скроешь, они всё равно выйдут наружу рано или поздно.

– Что с этим делать?

– Надо смириться,– мужчина взял её за руку,– принять себя такой какая ты есть, со всеми недостатками и пороками.

– А если я не хочу такой быть?

– Это замечательное стремление. Но помни, что ты обыч-

ный грешный человек, которому это не по силам.

Настя удивлённо посмотрела на отца.

– Я знаю, что тебе не нравится это слышать. Гордость – опасное животное. *Змей*. Убей его пока он над тобой не посмеялся. Помни, что невозможное человеку – возможно Богу.

– За что же Ему любить нас, если мы ничего не можем сделать?

– Я тоже постоянно думаю об это. Наверно ни за что. Просто так. Он не такой как мы.

«Он лучше нас.»

– Но ведь есть же что-то, что я могу для Него сделать? – с надеждой спросила она.

– Для начала будь благодарной. И не теряй веру.

– Спасибо, пап, – сказала она и слегка отвернула голову в сторону, скрывая наливающиеся слезами глаза.

На душе стало спокойнее. Она впервые за последние два года так обращалась к нему. Девушка положила голову на плечо отцу, они недолго сидели молча.

– Ко сколько тебе? – спросил отец.

Настя глянула на часы.

– Ой, надо бежать, – она поспешила одеваться.

– Далеко собрались?

– В Русский музей.

– А ну это близко совсем, успеешь, – он сделал небольшую паузу и хитро добавил, – красивый хоть?

Настя замерла от удивления.

– Пап! – нахмурилась она.

– Что? Просто интересно.

Краснея, Настя быстро надела любимые ботфорты, которые прибавили ей несколько сантиметров роста, пальто и поспешила на встречу. На улице стемнело, начали зажигаться фонари. Проходя мимо Спаса-на-Крови, она остановилась и благоговейно взглянула на вершину храма, где виднелись купольные кресты. «Благодарю Тебя, Господи.»

У памятника Пушкину её уже ждали три знакомые фигуры. Ваня стоял в стороне, прижавшись спиной к постаменту. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке.

– То есть ты хочешь сказать, что музей, основанный Николаем, названный в честь Александра и расположенный во дворце какого-то Михаила это вполне логичная цепочка? – эмоционально вопрошала Ксюша.

– Простите, я опоздала, – сказала Настя.

– Нет, ты как раз вовремя, – ответил Ясон и обратился к Ксюше, – да, но конечно всё могло быть намного проще. Ну что идём внутрь?

Михайловский дворец- двухэтажное здание, растянутое в длину и украшенное множеством белых колон и узких округлых окон. Оно симметрично и отличается чёткостью своей формы и скульптурными украшениями. Парадный вход дворца подсвечивался жёлтыми прожекторами, приглашая всех желающих.

После покупки билетов ребята поднялись на первый этаж, где перед ними открылся Парадный вестибюль. Поднимаясь по широкой лестнице, они рассматривали барельефы, украшающие высокий потолок, который выглядел, как отдельное пространство от белого коридора второго этажа, расположенного по периметру зала и ограждённому гладкими колоннами. Все замолчали, затаив дыхание, и только Ясон казался равнодушным к изящному залу. Он бывал здесь много раз и чувствовал себя как дома. Настя с Ксюшей шли рядом и ощущали себя барышнями из 19 века, их охватил лёгкий трепет от осознания, что может сделать человек. Ваня шёл немного позади, недалеко от Ясона, и думал о том, как это здание проектировалось с нуля. Хотя его не особо впечатлил внешний облик дворца, внутреннее убранство поразило до глубины души: он пытался разглядеть детали барельефов, но ему не позволяла острота зрения.

– Кто архитектор? – коротко спросил он.

– Карл Росси, итальянец, – ответил Ясон, – дворец построен в стиле ампир, то есть подчеркивает власть империи, её мощь и воинскую славу.

– Разве дворец сам по себе не подразумевает, что его владелец имеет власть и много денег?

– Безусловно, но архитектор может вложить в свой проект любую мысль, которую посчитает нужной, просто правильно используя детали, цвета, материалы.

Для Вани это был дремучий лес, в котором можно заблуд-

даться. Он не понимал, что считать деталью, и кто определяет, что она значит.

– Смотри какой красавчик,– возмутилась Ксюша подходя к бюсту императора Александра III,– только вот борода мне не нравится.

Она не была фанаткой музеев и не понимала людей, которые долго стоят и рассматривают экспонаты, поэтому пыталась развеселить себя и остальных.

– Чем тебе борода помешала? – усмехнулась Настя.

Она не хотела умничать, понимая, что это сейчас не к месту. Ей самой понравился вид императора, скульптор подчеркнул силу его характера, стойкость, и борода была ему к лицу.

– Как чем? Целоваться неудобно.

– Ах, вот оно что! – Настя засмушалась,– а как же Ваня?

– Ну да Ваня... ты права, у него нет бороды.

Настя улыбнулась.

– Нам направо,– сказал Ясон.

Они поднялись по правой лестнице на второй этаж в начало экспозиции. Первые четыре зала посвящены старинной русской иконописи. Ясон старался не вдаваться в такие подробности как, кто написал, для кого, почему, он понимал, что его подопечным такие разговоры быстро наскучат. Он рассказывал только самые интересные факты и старался не задерживаться долго на одном месте. Настя понимала ход его мыслей, но всё равно расстраивалась, ей хотелось подольше

задержаться у некоторых экспонатов, побольше о них узнать. На иконах были родные ей лики, к которым она привыкла с детства. Ей приглянулась икона Архангела Гавриила «Ангел золотые волосы». Она не могла оторваться от его больших добрых глаз и ярких нитей волос, вышитых сусальным золотом.

– Зачем вшивать золото в икону? Разве они и без того не были дорогими тогда? Ещё и в золотых рамках наверно стояли, – не понимала Ксюша.

– Золото считалось символом величия и бессмертия, так автор хотел показать его святость и чистоту, отчуждённость от несовершенного мира, – объяснял Ясон.

– Это деталь? – поинтересовался Ваня.

– Конечно, – ответил он с улыбкой.

Все повернулись, чтобы идти дальше, но Настя остановила их внезапным вопросом.

– Её возможно использовать для богослужения?

Она нервно поправила вьющиеся пряди и коснулась серёжки. Религиозные темы были под неофициальным запретом среди её друзей, поскольку они едва ли были верующими людьми.

– Не могу сказать точно, – начал Ясон, – но если я не ошибаюсь было несколько попыток, перенести её в храм для церковных служб, однако икона очень старая, датируется 12 веком, она хрупкая и перепады температур при транспортировке могут серьёзно навредить её целостности, – он сделал небольшую паузу, – глаза у него красивые...

– Угу,– тихо согласилась Настя.

Они оба медленно оторвали глаза от иконы, и все вместе двинулись дальше.

Осмотрев весь второй этаж, они направились на первый. Ксюша и Ваня шли немного позади. В какой-то момент она придержала парня за руку и остановила.

– Ты чего? Что-то не так? – не понимал он.

– Всё в порядке,– тихо ответила она,– давай посидим немного, оставим их вдвоём.

Они остались в белом просторном зале и сели на мягкую лавку.

– Ксюш, ты серьёзно хочешь их свести? – негромко, но раздражённо начал Ваня,– тебе не кажется, что не стоит лезть туда, куда тебя не просят?

– Я просто хочу помочь...

–Чем? Не надо надумывать себе то, чего на самом деле нет.

Ксюша пыталась сохранить спокойствие и не выяснять отношения, но эта фраза задела её.

– Не надумывать что? Что твой лучший друг изнывает от одиночества в куче книг? Или что моя лучшая подруга от депрессии превращается в живой труп? Они могут помочь друг другу...

–Как?!– он повысил голос и полностью развернулся к Ксюше

Люди, находившиеся в зале, с недоумением поглядывали

на парочку. Ваня заметил это и медленно откинулся на спинку лавки. Сделав глубокий вдох, он зажмурил глаза. Ксюша испепеляла его взглядом, она перебирала в голове варианты ответа, но поняла, что он всё равно не поймёт её и опустила голову. Она знала, что оба этих человека близки по духу, поскольку способны на глубокие и мучительные размышления, способны видеть в самых простых вещах, то, что она не видит. Она хотела, чтобы Ясон заразил её подругу любовью к жизни, которую тот имел сполна.

Ваня, не отрываясь от спинки, медленно повернулся к ней. Кожаная куртка и юбка девушки слегка блестела при её движениях, светлые волосы закрывали лицо от парня, открывая лишь аккуратные губы. Он осторожно попытался взять девушку за руку, но Ксюша быстро убрала её и лёгким движением откинула голову назад, убирая пряди с лица.

– Ксю, прости меня, – он хотел быть искренними, но, сам того не замечая, делал голос мягче, взгляд нежнее, чтобы она поверила, – просто я не хочу, чтобы ты тратила свои силы и время впустую.

– Я не понимаю... – Ксюша перевела на него недоумённый взгляд.

– Ну это как... мы с тобой.

– Что?... – почти беззвучно сказала Ксюша, нахмутив брови.

– Я имею в виду, – он немного замялся, – у нас с тобой такая же ситуация. Ты думаешь, что если будешь веселить

меня, вытаскивать в свет всё наладится, но корень проблемы абсолютно в другом. Ты лезешь вон из кожи, чтобы помочь, но на самом деле ничего не меняешь. Я не хочу обидеть тебя, я безумно благодарен тебе за то, что ты не бросила меня не смотря ни на что. Я искренне сожалею, что делал тебе больно всё это время. Но пойми, что ты сама ранишь себя в том числе, потому что зажигаешь в своём сердце надежду, которой не дано оправдаться.

Ксюша потупила глаза и задумалась.

– Вань,– девушка повернулась к нему и взяла за горячую руку,– дело в том, что я не могу решить за тебя твою проблему. Ты сам должен найти свой путь, своё призвание и следовать ему. Я могу лишь побуждать тебя к действию...

– Я не хочу потратить свою жизнь на бесконечные поиски,– резко перебил её Ваня,– я не знаю куда идти от слова совсем.

– А то есть ты хочешь потратить свою жизнь, схоронившись в четырёх стенах? – возмутилась Ксюша,– Ты главное начни, а там уже видно будет что к чему. Признаться, я рада, что ты взялся за гравюру.

– Исключительно ради денег.

– Не суть. Пойми, я очень люблю тебя и желаю тебе только лучшего.

Парень замолчал и немного поник головой, поджимая губы. Ксюша положила голову ему на плечо.

– Я тоже люблю тебя,– он сжал Ксюшину руку крепче и

прислонил свою голову к ней, вдыхая запах волос,— ты знаешь, архитектор не плохая профессия, но для неё надо хоть немного быть художником, а я не художник...

— Ну я думаю, в такой работе есть варианты обойти этот навык стороной. Или можно попробовать научиться,— осторожно намекнула она.

— Ну давай попробуем,— вздохнув, сказал Ваня и перевёл взгляд на висящую перед ними картину,— вот какие тут детали?

Они остались в этом зале, разглядывая экспонаты.

Настя и Ясон медленно прогуливались по белым залам музея, периодически останавливаясь у заинтересовавших их картин. Девушка обратила внимание на большой холст, на котором был изображён какой-то исторический сюжет. На нём было много людей: военные, знатные люди в дорогих одеждах, крестьяне, стоящие на коленях, священство. В центре была статная женщина и темнокожий казак с чёрной бородой.

— Что это за картина? — негромко спросила Настя.

— Это «Суд Пугачёва», написал Перов,— начал Ясон,— за основу сюжета художник взял судебный процесс над донским казаком Емельяном Пугачёвым, который поднял бунт против Екатерины II и объявил себя чудом спасшимся Петром III, мужем Екатерины, свергнутым ею в результате дворцового переворота.

Она слушала, не отрывая от него глаз, пока он не закончил говорить. Настя перевела взгляд на казака на картине, пытаясь отыскать в его лице следы жестокости, о которой она слышала, но не находила.

– Ты так внимательно смотришь, – умилился он, – почему?

– В моей семье ходит легенда, что наш род берёт начало от самого Емельяна Пугачёва.

– О, дак ты казачка? – он улыбнулся.

В его окружении не было людей с такой ярко выраженной южной внешностью. Ему нравилась её бронзовая гладкая кожа, густые тёмные волосы, нос с горбинкой и карие глаза. Он тайком смотрел на неё, когда она думала о чём-то, глядя на картину. В остальное время она смотрела на него и слушала, задавала вопросы.

– Ой, думаю я совсем не похожа...

– Ты знаешь... наверно, это даже к лучшему.

Она правда не имела характер горячей бунтовщицы. Ясон видел её мягкой и спокойной, слегка смущённой его присутствием. Она говорила в пол голоса и с трепетом обращалась к нему по имени.

– А где Ксюша с Ваней, – она только сейчас заметила их пропажу.

– Я думаю им стоит обсудить некоторые вопросы, уверен они догонят нас потом.

Пройдя несколько залов, они оказались в голубой комнате, где большинство картин были посвящены библейским те-

мам. Перед ними открылся вид на большое полотно «Тайной вечери». С одной стороны картины возлежал печальный Христос, за Ним стояли Его ученики и с сожалением смотрели в сторону засвеченной тёмной фигуры, предположительно Иуды. Но Настя видела в ней... себя.

– Это «Тайная вечеря» Николая Ге, боюсь что я не силён в религиозных сюжетах, поэтому воздержусь, чтобы не ляпнуть лишнего.

«Что это значит? Он атеист? Коммунист? Или просто не осведомлён в этой сфере?», – Настя испугалась найти в нём противника веры.

– А ты? – спросил он, увидев интерес девушки к картине.

– Я? – её резко кинуло в жар. Ей никогда не приходилось с кем-то это обсуждать, – ну как сказать... Я знаю, что на Тайной вечере Христос открыл Своим ученикам, что один из них предаст Его. А именно Иуда Искарот.

Её голос дрожал, она вся покрылась краской.

– Чёрная фигура – это и есть Иуда, я думаю, но, честно говоря, мне кажется на его месте можно представить кого угодно. Наверно каждый может быть предателем? – он посмотрел на Настю.

– Мне кажется, речь о том, что каждый может совершить ошибку, ведь Иуда потом покаялся, но в отчаянии удавился, поэтому не получил прощения, не имел веры.

– Веры во что?

– В то, что Бог любит его... и простит.

– Наверно так и есть, – он повернулся в сторону девушки, – ты в порядке?

Он дотронулся костяшками пальцев до её красного лба.

– Да, да... всё хорошо... просто... просто... давление иногда... бывает...

– Можем присесть или вернуться...

– Нет всё хорошо.

– Ладно, – он сделал небольшую паузу, – любишь природу?

– Очень, – резко ожила Настя от смены темы.

– Тогда следующий зал тебе понравится.

– А что там?

– Шишкин.

Следующий зал был увешан лесными пейзажами разных размеров. Настя разглядывала солнечные картинки и просто наслаждалась красотой написанных мест. Она непроизвольно улыбалась, её карамельные глаза ожили. Ясон не мог не улыбнуться, увидев её, наконец, весёлой.

– Ты была когда-нибудь в Павловском парке?

– Нет.

– Обязательно съезди, очень красивое место.

– А ты бываешь там?

– Да, довольно часто. Если хочешь составлю тебе компанию.

– Буду очень рада, – она широко улыбнулась и посмотрела в голубые глаза.

Он замер на секунду. Его сердце тоже...

Пройдя ещё несколько залов, они наткнулись ещё на одну картину. Огромное полотно на всю стену, на котором был изображён боярский пир. Насте оно показалось странным, поскольку рядом с пьяным застольем располагалась шеренга из трёх молодых девушек с грустными опущенными глазами и бокалами на подносе.

– «Поцелуйный обряд» Маковский, – сразу сказал Ясон.

– Что такое поцелуйный обряд? Звучит многообещающе.

– Скажу так, как мне рассказывали. До Петровской эпохи, когда не было ассамблей и у женщин особо не было возможности выходить в свет, был такой обычай. Во время застолья у какого-нибудь знатного человека, у которого есть незамужние дочери, наступал момент, когда они выходили с подносами и предлагали гостям напитки, чаще всего вино. Если девушка подходила к одному из гостей – это признак симпатии, если она взаимная, то выбранный гость брал из её рук бокал, пил его содержимое и соответственно целовал её.

Настя удивлённо посмотрела на него.

– Ну в щёчку наверно, я не знаю, – он улыбнулся.

– А если симпатия не взаимная?

– Тогда вместо поцелуя он должен был поклониться в пояс.

– Интересно. Только вот на картине, они выглядят грустными... их никто не выбрал?

– Эта картина своего рода иллюстрация к повести Алексея Толстого «Князь Серебряный», ты не читала?

–Нет.

– Дак вот, там он его описывает по-другому, если интересно можешь почитать, но его поцелуйный обряд не такой романтичный, я бы даже сказал неприятный.

– Я поражаюсь, откуда ты столько знаешь? Ты же историк, зачем тебе хорошо разбираться в искусстве?

– Искусство отражает эпоху: исторические события, систему ценностей, бытовые и социальные вопросы, оно самый настоящий исторический артефакт.

Пройдя последние три зала, они снова вышли в Парадный вестибюль. Настя слегка придержала его за рукав пиджака, и парень остановился. «Спасибо, что поговорил со мной»,– хотела сказать она, но не осмелилась. «Спасибо, что слушала меня»,– ответил он успокаивающим взглядом и взял её за руку.

– Ну что, теперь пойдём искать нашу влюблённую парочку,– предложил он.

– Кто ещё из нас влюблённая парочка,– неожиданно отозвалась Ксюша.

Они с Ваней стояли у сувенирной лавки и что-то выбирали.

– Эй где вы были? – возмутилась Настя.

– Мы сели немножко передохнуть, потом пошли искать вас и застали за интеллектуальной беседой, решили не отвлекать и идти дальше,– тараторила Ксюша,– вот ждём вас, выбираем сувениры.

– Выбрали?

– В процессе, – терпеливо ответил Ваня.

Он был спокойней и бодрее, чем в начале вечера. Его янтарные глаза двигались живее, в них появился интерес.

Девушки купили себе по брелочку и все вместе направились в гардероб. Пока Настя завязывала шарф к ней подошла Ксюша.

– Настюша, можно я у тебя переночую, так не хочу в общагу ехать...

– Конечно можно, какие проблемы? Там ещё целая комната свободная.

На улице уже совсем стемнело, повсюду горели фонари, прожекторы подсвечивали Михайловский дворец по всему периметру. Парни комично попрощались с памятником Пушкину и пошли провожать девушек до дома.

*

Прошло около трёх недель. К середине мая в Петербурге значительно потеплело: солнечных дней стало больше, парки покрылись зеленью и яркими цветами, понемногу начали просыпаться насекомые. День выдался приятный: на улице было комфортно, дул тёплый ветерок, солнце медленно плыло по голубому небу, периодически прячась за перистыми облаками. Настя открыла окна в гостиной, чтобы комната наполнилась свежим воздухом. Лёгкий белый тюль, подхватываемый порывами ветра, медленно поднимался, про-

пуская через себя исчезающие лучи солнца. Девушка старательно мыла кухню и остальную комнату, убирая пыль и расставляя вещи на свои места. Время шло быстро и пришла пора ускориться. Она разобралась с посудой и грязной плитой и поспешила вымыть зеркала и стеклянные дверцы шкафов. Помимо них внизу каждого шкафа была непрозрачная дверца. Никто раньше не обращал на них внимания. В Насте проснулось любопытство, и она решил заглянуть внутрь. Сначала дверца не поддавалась, но, приложив немного усилий, Настя смогла её открыть. Раздался протяжный скрип, лучики солнца из окна упали на полку шкафа, и она заблестела. Взору девушки открылись позолоченные винные бокалы, сделанные под старину. Она взяла один из них в руку: он был достаточно тяжёлый, слегка пыльный, но в целом новый и пригодный для использования.

Пока она разглядывала находку, ей пришло смс. Девушка нехотя потянулась за телефоном и прочитала сообщение от Вани: «Отец дома?». «Нет», – ответила она. В дверь неожиданно и громко постучали так, что она вздрогнула. Быстро убрав бокал на место, Настя тихо прошла в коридор и заглянула в глазок. Она шумно выдохнула и открыла дверь.

– Дурак, не пугай меня так больше, – она легонько коснулась его мокрой тряпкой.

– Чего пугаться-то? Я же написал, – удивился Ваня, поспешно снимая обувь.

В его руках был огромный картонный кейс, размером с

большую картину. Настя предположила, что в нём готовая гравюра для её отца.

– Ты что, уже всё нарисовал? Покажешь? – ей очень хотелось посмотреть на конечный результат его работы.

– Я бы так не радовался... Возможно я всё испортил, а может быть и наоборот, я не знаю, мне нужна помощь опытного человека, – он посмотрел прямо на неё, давая понять какой опытный человек ему нужен, – А он скоро вернётся?

– Не знаю, уехал в магазин за продуктами.

Настя жестом предложила ему сесть, но парень сразу принялся распаковывать кейс. Гравюру он оформил в тонкую деревянную рамку. Рисунок был большой и очень подробный: было видно, как он старался над каждой линией, каждой тенью. Он изобразил храм немного с боку, чтобы было видно, как большой округлый купол, так и четыре маленьких и часовню. Настя с таким умилением рассматривала гравюру, что улыбка не сходила с её лица.

– Вань, это безумно красиво.

– А часовня?

– И часовня, а что с ней должно быть не так?

– Как что?! – возмутился Ваня, – вот смотри, часовня была квадратная с резким таким шпилем, а сам храм он такой кругленький, ну я немного у неё углы срезал и овальную подложку сделал для шпиля. И вот тут ещё окошко круглое, побольше, а то пустовато как-то тут было. И резьбу вот эту странную у крыши и куполов оформил как листья.

Он активно жестикулировал и показывал на рисунок. Настя давно не видела его таким: живым, взволнованным, с тем самым блеском в огненных глазах. Она могла только радоваться за него.

– Вань, да всё хорошо, ему понравится я уверена.

– Да как ты не понимаешь, ну вот часовня...

– Ванечка, это всё не важно,– она схватила его за руку.

– Важно! Это же деталь!

– Важно, что с тобой всё хорошо,– Ваня состроил странную гримасу недоумения,– ну посмотри же,– Настя потянула его к зеркалу,– кровь кипит, глаза горят, ты когда себя таким последний раз видел?

Парень на секунду замолчал.

– Ну это здорово всё, да. Но это же работа, надо сделать её по совести...

– Твоя совесть недовольна?

– Я не знаю,– он наконец опустился на стул,– смешанные чувства.

– Всё будет хорошо, вот увидишь,– Настя глянула на часы,– с твоего позволения я пойду приведу себя в порядок.

– А ну иди-иди,– хитро ухмыльнулся Ваня,– он с утра туда уехал.

– Зачем?

– Кажется родственники там в Павловске.

Настя хотела уже отправиться в комнату, но Ваня её остановил.

– Настюх, у меня к тебе ещё одна просьба есть.

– Я слушаю.

– Будь пожалуйста на связи, нужно выбрать кое-что для Ксюши. Я понимаю, конечно, что тебе будет не до меня, – многозначительно сказал он.

– Для тебя время я всегда найду, – сказала она с иронией и пошла в комнату.

Ваня остался на кухне и не сводил глаз со своей гравюры: он замечал каждую кривую линию, нарушение пропорций, неправильные тени. Ему казалось, что в ней столько недостатков, что снужно разорвать лист на части и выбросить, но такая жалость брала его при этой мысли. Это первое его детище, в которое вложено много сил, души, бессонных ночей и времени, но он понимал, что эта гравюра не стоит тех денег, которые он должен получить. Plusом ко всему он не знал, как его работодатель отнесётся к его авторским нововведениям.

Около пятнадцати минут Ванины мысли были заняты рассуждениями, пока в квартиру не зашёл хозяин дома. Парень резко встал и вышел в коридор.

– Здравствуйте, Владимир Алексеевич, – Ваня нервно потирал руки.

– Здравствуй, Ваня. Как самочувствие? – мужчина неторопливо снял обувь и пошёл на кухню, держа в руке тяжёлый пакет.

– Да нормально... Намного лучше.

– Ну и слава Богу.

Мужчина прошёл на кухню, не замечая рисунок на столе и принялся разбирать пакет.

– Опять куда-то собираетесь?

– Ну Настя да, а я... я к вам.

– Ко мне? – Владимир резко ожил и перевёл взгляд на Ваню, – Что случилось?

– Дак вот, – Ваня дрожащей рукой показал на гравюру.

Мужчина посмотрел на стол и поднял брови от удивления.

– Ты уже всё сделал, я почему-то думал, больше времени понадобится.

Он оставил своё прежнее занятие и сразу сел за стол, рассматривая картину. Его внимательный взгляд медленно перемещался по рисунку, разбирая его на мельчайшие детали. Ваня ждал жёсткой критики от крупного бизнесмена и очень требовательного начальника. Он хотел что-то объяснить, но не смог связать двух слов у себя в голове и молчал, краснея за его спиной. Владимир ни на секунду не отрывался от бумаги. Ване казалось, что он скоро прожжёт рисунок взглядом и выскажет ему всю правду, но мужчина мучительно молчал.

– Тоже не понимал раньше почему она квадратная, – наконец заговорил он, задумчиво показывая на часовню, – но теперь кажется понимаю, – Ваня беззвучно ударил себя в лоб, – оформление в виде листьев мне нравится. Вообще мне кажется хорошо, ты правильный и сложный ракурс выбрал, с угла и сверху чуть-чуть и в пространстве расположил хоро-

шо. Пропорции не плохие, есть над чем работать, конечно. Я её куплю.

Ваня ожидал чего-то другого и был приятно удивлён. Он очень уважал отца Владимира и боялся, что он не увидел что-то поскольку не был профессионалом.

– Я хочу признаться, что напортачил во многих местах, тут например, – он показал на один из маленьких куполов, – тут у окна...

– А ты думал, что всё идеально будет? – мужчина с улыбкой посмотрел на Ваню, – Нет, так не бывает. Ты первый раз сделал что-то подобное, конечно есть недочёты, ты их даже лучше меня видишь и это хорошо. У тебя есть хорошая база, с которой можно работать. Если захочешь развиваться в этом, то сможешь стать хорошим архитектором или инженером. Тебе самому-то как? Понравилось?

– Мне да. Возможно, я бы правда хотел этим заниматься.

– Ну что ж, я рад, – он пожал парню руку, – подожди минутку я сейчас вернусь.

Владимир ушёл в свою комнату. Ваня до сих пор не верил в то, что случилось. Сердце часто билось, а живот скрутило от волнения. Он хотел улыбнуться, но боялся выглядеть дураком. Мужчина скоро вернулся с небольшим конвертом и отдал его Ване.

– Приходите с Ксюшей завтра на обед, к часу. Настя обещала приготовить что-нибудь вкусное.

– С удовольствием, – после небольшой паузы ответил Ва-

ня, – Мне нужно идти ...

– Да, конечно. Тогда до завтра.

Ваня вышел за дверь и поспешил открыть конверт: в нём лежало десять тысяч рублей. Он опёрся спиной о стену и задумался о следующем очень серьёзном шаге, который навсегда может изменить его жизнь.

Над небольшой тихой рекой навис изогнутый каменный мост, укрываемый от солнца кронами вековых деревьев. Его украшали белокаменные пластичные фигуры: двое молодых кентавров, подняв руки, радостно приветствовали гостей, направляющихся к Павловскому дворцу, а на обратном пути двое других печально провожали уходящих. Ветер тихонько поглаживает сочные, ещё не окрепшие, листья и пробегает по водной глади реки Славянки. Подставив лицо ветру, Ясон опирался на кованые перила и смотрел в глубь воды. В его голове одна за другой рождались самые разные мысли, воспоминания, за которыми он не успевал следить, и поэтому они беспорядочно лились общим потоком, как эта самая река. Он часто впадал в такое мучительное состояние, но выплеснуть этот неконтролируемый поток ему было некуда и некому. Мысли оставались запертыми в голове. При взгляде на воду, где-то глубоко в душе рождалось желание утопить один поток в другом. Он с лёгкостью мог себе представить, как вдруг исчезнет воздух, свет, звуки и одна за другой растворятся эти навязчивые мысли, но... Потом ему резко

вспоминалось солнце, его тепло и свет, лёгкий ветер, шум листьев, весна, море цветов, дома любимого города, красота неба и всё, что когда-либо делало его счастливым. Сейчас он вспомнил Настю. Так всё оживало вокруг и зеленело, так приятно пригревало солнце, так легко ветер трепал его волосы и так же легко и тихо кто-то подошёл к нему.

– Привет, что с тобой? На тебе лица нет,– заволновалась Настя.

Ясон быстро пришёл в себя и натянул улыбку.

– Привет, просто задумался,– он последний раз взглянул на реку и обратился к Насте.

Она была одета в бежевый вязаный джемпер, белую прямую юбку чуть выше колен и те же высокие ботфорты. Густые тёмные волосы, даже будучи забранными в высокий хвост, доставали девушке до пояса. Гладкая смуглая кожа сияла под весенними лучами солнца, пока оно не скрылось за очередным облаком. Он замер на несколько секунд, глядя на неё, но вскоре опомнился.

– Хорошо выглядишь,– он заметил лёгкий румянец на её щеках,– пойдём, я хочу тебе показать кое-что.

Они перешли на противоположную сторону реки и медленно прогуливались среди налитых зеленою крон деревьев, трав и кустарников. Ясон по обыкновению начал рассказывать о парке и его создателях в надежде на то, что его рассказ с радостью встретят внимательные карие глаза, но Настя перебила его.

– Слушай, ты замечательный рассказчик и это всё очень интересно, но я бы хотела узнать что-то о тебе.

Он не ожидал этого и остановился в недоумении.

– Обо мне? – переспросил он. Настя кивнула, – Ты вроде много обо мне знаешь.

– Я ничего не знаю.

Он ненадолго замер, но после они продолжили идти ещё медленней.

– Спрашивай, что тебе интересно, я отвечу.

– Откуда ты? – недолго думая, спросила Настя.

– Я родом из небольшого городка в Архангельской области, когда мне было 11, мы с родителями переехали в Павловск.

– То есть ты был у родителей, до нашей встречи?

– Откуда ты знаешь, что я давно здесь? – он улыбнулся, – Ваня заходил? Как всё прошло?

– Да, заходил, отец купил у него гравюру и повесил у себя в комнате, я даже не думала, что получится так красиво.

– Я тоже не думал, что он умеет рисовать. Он почти не спал всё это время, переделывал по несколько раз, я его таким никогда не видел. Но мне кажется он в самом деле нашёл своё призвание и всё встало на свои места. Я рад за него.

«Я тоже», – мысленно согласилась Настя.

– Кстати, а ты учишься сейчас? Чем вообще хотела бы заниматься?

Настя задумалась над ответом.

– Я учусь заочно, но на самом деле не думаю, что буду когда-нибудь работать по профессии. Я не знаю, чего хочу.

– Ты хотела быть переводчиком?

– Мне просто нравились языки, и я выбрала профессию с ними связанную. Возможно я могла бы быть переводчиком, но сейчас мне кажется это не так важно.

– А что важно? – он с интересом посмотрел на неё.

Настя не могла сформулировать свою мысль, её сердце чувствовало, но разум не понимал окончательного ответа.

– Сложно сказать, я не могу объяснить, что имею в виду, – она снова задумалась пытаясь правильно подобрать слова.

– Ты думаешь, что важнее то, что внутри? – пытался помочь он.

– Да, именно, – она ожила, – нужно разобраться с этим и всё станет куда яснее.

– Жаль, что никто не может сделать это за тебя.

– Почему же, может, – робко ответила Настя. Она боялась начинать эту тему, но верила, что он точно не посмеётся над ней, даже если их мнения разойдутся, – Бог может.

Он усмехнулся, но увидев её глаза полные доверия осёкся.

– Прости, я не хотел обидеть тебя, просто... – он был скептиком и хотел предостеречь её от разочарования, но она была так искренна, ему не хотелось причинять ей боль, – тебе повезло иметь веру, есть много людей, которым такая помощь недоступна.

Девушка поняла, что он имеет в виду себя. Позиции бы-

ли обозначены и продолжать разговор в таком ключе не было смысла. Она решила сменить тему и снова обратилась к нему.

– Мне всегда было интересно, почему история, а не какая-нибудь другая наука?

– Мне тоже это всегда было интересно. На самом деле я любил этот предмет с самого начала, возможно мне просто повезло с учителем.

– Это из-за него в твоей голове столько информации?

– Конечно, он был очень образованным и начитанным человеком, он не пользовался учебниками, всё рассказывал по памяти, его было интересно слушать, – Ясон ненадолго замолчал, окунувшись в воспоминания, – он помогал мне готовиться к ЕГЭ и поддерживал, с ним можно было говорить о чём угодно, не боясь осуждения или ненужных вопросов.

– А сейчас ты общаешься с ним?

Парень поджал губы и направил стеклянный взгляд куда-то в сторону.

– Он был уже в возрасте и этой зимой серьёзно заболел. Онкология. Он умер три месяца назад.

Настя не знала, что сказать ему. Ей было жаль. Она смотрела на него так тепло, как только могла, но он не повернулся к ней.

– Как его звали? – в полголоса спросила она.

– Мне кажется я знаю, почему ты спрашиваешь. Его звали Александр Григорьевич, но он был агностиком и комму-

нистом.

– А ты? – Настя с надеждой смотрела на него.

Парень немного помолчал.

– Помолись за него, пожалуйста.

Девушка утвердительно кивнула. «Я помолюсь за вас обоих». Она взяла его под руку, и следующие несколько минут они шли молча. Когда они вышли из лесного коридора на открытую местность, им открылся живописный зелёный пейзаж: два берега изгибающейся реки соединял Чугунный мост, за которым расположилось белое округлое здание, выстроенное из колон – Храм Дружбы. За ним густой еловый лес, над которым плыли бесформенные облака. Пара замерла на несколько секунд, чтобы полюбоваться видом. Настя робко посмотрела на парня: он снова задумался о чём-то, но на сей раз его лицо выражало умиротворение и было полностью расслаблено. Лучи солнца легко касались его светлой кожи, а глаза стали такого же цвета, как и небо. Она не сводила с него взгляд, пока он не обратил на неё внимание и не улыбнулся прежней широкой улыбкой. Настя перестала его бояться, но змей всё ещё не унимался. Она так хотела сказать Ясону, что-то очень важное для неё, но не могла. Просто не могла открыть рот и произнести три слова.

– Красиво? – спросил он.

– Очень.

Перейдя Чугунный мост, они двинулись дальше по аллее.

– Это правда, что ты любишь одуванчики? – прервал мол-

чание он.

– Да, а откуда ты знаешь?

– Ксюша рассказала, – он сделал паузу, – обычно девушкам нравятся более благородные цветы, розы например.

– Я и розы люблю, но одуванчики они особенные. Они меняются. Всегда в лучшую сторону и улетают к небу.

– В таком случае, люди тоже немного одуванчики.

– Далеко не все. Есть люди, которые от начала до конца белые, есть те, которые от начала до конца жёлтые, а есть те, которые из белых становятся жёлтыми, и только небольшая часть ведут себя, как одуванчики, – Настя сделала паузу, – а есть ещё такие люди, которые просто закрываются и увядают, так и не распутившись.

– Я согласен, люди намного сложнее и путей у них намного больше, но не все они ведут по нужному направлению. Но природа даёт нам найти правильный ответ. Бог наверно тоже так поступает.

– Да, так и есть, – она снова посмотрела на него.

– Возможно, ты не хочешь говорить об этом, но я всё-таки спрошу. О чём ты думала в ту ночь, когда мы впервые встретились? Мне показалось тебе было очень плохо...

– Наверно я сама виновата во всём этом, я и моя гордость, – она остановила его и подошла ближе, – Я могу задать встречный вопрос: откуда ты шёл так поздно, один, даже без зонта?

Он немного помолчал, пробежав глазами по её лицу.

– Просто хотел прогуляться, в этом есть своя романтика. Лучше убегать от проблем так, чем через алкоголь, наркотики и прочее.

– Я могу, что-то сделать для тебя? Ты очень мне помог, когда было очень тяжело и больно.

«Ты уже мне помогла».

– Два года назад, мои родители погибли в автокатастрофе. Меня взяла под свою опеку моя тётя, очень благодарен ей за всё, но такие колоссальные изменения оставили большой след. У меня никогда не было близких друзей, которые бы поняли меня. Было очень одиноко...

Он говорил негромко, делая большие паузы и стараясь не смотреть ей прямо в глаза. Настя не ожидала это услышать. В её груди что-то сжалось и заболело. Девушка подумала о том, что он смог сохранить в себе человека, готового к самоотдаче. Ей стало так стыдно за себя и свои надуманные проблемы. Она не знала, что сказать ему, и стоит ли вообще что-нибудь говорить.

– Эй, ты чего, – он увидел наливающиеся слезами глаза Насти, – вы втроём сделали мою жизнь лучше, без вас мне было бы совсем тошно... без тебя...

– Ясон, ты... ты очень сильный человек.

Он наклонился к ней и заглянул в широко открытые глаза, блестящие от слёз. В них было столько тепла и сочувствия, сколько он давно не видел. Он не мог оторваться от их цвета, похожего на карамель, оранжевый закат, цветы. Он пытался

прочитать всё, что она хотела сказать, но не могла. Он прижал её к себе, уткнувшись носом в тёмные волосы.

– Не плачь, всё же хорошо. Всё, что ни делается, всё к лучшему. Пойдём, осталось совсем немного.

Настя послушно пошла за ним вдоль тёмных аллей, пока они не вышли на Парадное поле, усыпанное бело-жёлтым пёстрым ковром из одуванчиков. Она замерла, осмотрев огромное пространство вокруг себя. Даже в Воронеже ей редко удавалось видеть такое. Она невольно улыбнулась, потирая опухшие глаза. Пейзаж был невероятно красивым, а Настя чувствовала себя счастливой. Парень наблюдал, как она неожиданно сорвалась с места, подбежала к траве и осторожно направилась вглубь поля, наклоняясь и поглаживая тонкими пальцами жёлтые цветы. Белые пушинки подхватывал ветер и, создавая вокруг неё воздушный шлейф, вплетал их в длинные волосы девушки. Она стала ещё красивее в его глазах: казалось он всё бы отдал, чтобы она улыбалась, и даже собственноручно высадил бы столько одуванчиков, если бы не нашлось подходящего поля. Настя повернулась к нему и, взяв за руку потащила за собой. Они направились вглубь поля, где оказались полностью окружены мелкими цветками.

– Спасибо, это самое красивое место в Петербурге.

– Я рад, что ты счастлива, – он сам не мог не улыбнуться, глядя в её блестящие глаза.

Погуляв по полю, они нарвали огромный букет ещё не распустившихся одуванчиков и направились к выходу дру-

гим маршрутом, чтобы посмотреть ещё несколько скульптурных объектов и потом отправиться домой.

Солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая косыми лучами небо и облака в нежно-розовый цвет, когда они подходили к Спасу-на-Крови. Оба очень устали от поездки и прогулок, произошедших за день, и степенно шли в сторону дома. Архитектурно украшенные дома приобрели закатную окраску и, казалось, ожили, стряхнув с себя вековую пыль. За несколько метров до дома, девушка прервала тишину.

– Мы же ещё увидимся? – по-детски спросила Настя.

– Конечно, для тебя я всегда найду время.

– Чем планируешь заниматься вечером?

– Думаю ничем, приеду домой и буду отдыхать.

Они остановились у входа и прежде, чем Ясон попрощался с ней, девушка покраснела и отвела глаза в сторону.

– Поднимись со мной, пожалуйста, входная дверь иногда заедает, и я не могу её открыть.

– Конечно, пойдём.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, Настя вручила ключ парню, он легко провернул его в замке и открыл дверь.

– Странно, вроде всё в порядке, – он открыл дверь.

В квартире было темно, за исключением кухни, которую залтвал яркий оранжевый свет из окон. Настя вошла в квартиру и на секунду замерла с трепещущим сердцем. «Зачем тебе унижаться перед ним? Он не любит тебя, просто посме-

ётся над твоей наивностью и уйдёт» – настойчиво шептал змей. «Убей змея, пока он не посмеялся над тобой» – смиренно говорил отец. Настя не удержалась и схватила его тёплую руку.

– Ты чего? – удивился парень.

Девушка умоляюще заглянула в его глаза и почти шёпотом попросила:

– Останься... пожалуйста...

– Настя... – он с сожалением посмотрел на неё.

– Прошу тебя, стемнеет уже совсем скоро, а тебе ещё далеко ехать, ты устал, наверно...

Ей сразу вспомнилась картина, где он глухой ночью стоит под её окном, мокрый и замёрзший. Она искренне не хотела оставлять его в одиночестве после того что узнала. Она хотела подарить ему семью, которой он лишился.

– Я не могу, – он пытался аккуратно вытащить свою руку из её объятий, но хватка усилилась. Ему казалось, что остаться будет неприлично, но отказывать этой искренней просьбе и чистым глазам было невыносимо больно, – о чём подумает твой отец?

– Ни о чём не подумает, – не понимала она, – он скоро вернётся, и я ему всё объясню. У нас целая свободная комната, где ты сможешь расположиться. Можем выпить чаю... или даже поужинать, если хочешь.

Ясон усердно пытался взглядом заставить ее отказаться от своей просьбы, но у него не вышло, пришлось сдаться.

Он шумно выдохнул и перешагнул порог квартиры и резко остановился.

– Для меня очень ценно, что ты хочешь обо мне позаботиться. Но я не могу позволить себе остаться дольше, чем до того момента, когда вернётся твой отец. Не сочти это за грубость или небрежение, просто я не могу поступить по-другому. Я бы очень хотел, но не могу, – он старался говорить искренне, чтобы не обманывать её, но как можно мягче, чтобы не ранить.

Он покорно зашёл в квартиру и закрыл за собой дверь. Настя включила свет в прихожей и гостиной и поспешно поставила чайник. Ясон медленно осмотрел комнату.

– Тут очень уютно.

– Да, мне тоже очень нравится, – отозвалась Настя, доставая вазу для букета, – присаживайся, куда хочешь.

Парень присел на ближайший к ней стул.

– Почему ты нарвала именно такие? Они же не открылись, – спросил он, пока девушка ставила букет в вазе на стол.

– Они скоро распустятся, может быть завтра, белые тоже очень красиво смотрятся.

– А вдруг разлетятся?

– Если не открывать окно и не махать перед ними руками, то не разлетятся, – девушка по-хозяйски выровняла вазу и распушила букет, – можно слегка прыснуть лаком для волос, тогда точно всё будет, как надо.

Она потянулась за чашками, привстав на носочки.

– Давай помогу?

– Не надо, я сама...

Он проигнорировал её слова и достал с верхней полки две чашки, встав прямо за её спиной, так что она чувствовала тепло его тела. Его очень умиляла её ловкость в своём доме, она чувствовала себя здесь полноценной хозяйкой. Они наконец сели за стол.

– Ты живёшь только с отцом?

– Пока да, моя мама и сестра остались в Воронеже, они приедут только летом.

– Не скучно тебе тут, пока отец на работе?

– Бывает иногда, но я не так давно нашла себе занятие, – девушка недолго помолчала, а потом спросила, – Ты умеешь хранить секреты?

– Конечно, а у тебя есть какие-то секреты? – он загадочно улыбнулся.

– У моего отца, он очень не хочет, чтобы кто-то знал об этом, но я тебе всё-таки расскажу.

– Нет, не стоит, если это что-то очень важное... – перебил он.

– Всё в порядке, просто у моего отца завтра день рождения. Он очень не любит большого внимания в этот день и дорогих подарков. Он просто проводит время с родными и близкими. Он даже нас просил не акцентировать внимание на этом.

– Надо же... такие люди редкость. Но ты же всё равно что-

то для него приготовила, да?

– Давным-давно, ещё в Воронеже, Ксюша принесла мне много хорошей ткани, видимо ненужной. Я раньше шила и вроде даже неплохо, отец гордился мной. Почему-то его этот факт очень радовал. Но года два назад я забросила это дело и вот решила снова вернуться. У моего отца есть несколько ночлежек для бездомных и нуждающихся, в том числе и в Петербурге. Я нашла постельного белья и полотенец и хочу отдать ему. Можно было бы пошить одежду, но ткань не подходит. Как ты думаешь он оценит?

– Я думаю, он снова будет тобой гордиться. У твоего отца золотое сердце, раз он так распоряжается своими средствами. Он заслуживает уважения и полноценный день рождения. Не представляю сколько нужно сил и времени, чтобы успевать смотреть за всем этим.

– Очень много...

– Скучаешь?

– Раньше скучала, а сейчас привыкла наверно.

Она немного взгрустнула. Ясон взял её за руку.

– Главное не забывай о нём и о маме с сестрой. Проводи с ними время чаще, ведь какими бы они не были, они любят тебя, такой какая ты есть. Твой отец замечательный человек, бери с него пример, но не забывай о главном, что ты не знаешь, в какой момент можешь всё потерять...

Настя не ожидала от себя, что сможет подойти и обнять его. Её глаза снова заслезились.

– Эй, ты чего? Я не об этом... – он погладил её по спине, –
Кстати, про ночлежки это тоже секрет?

– Да, никому не говори.

– Почему?

– Чтобы не возгордиться, и потому что получить одобрение от Бога важнее, чем получить его от людей. Добро нужно делать тайно.

В коридоре послышался звук открывающейся двери. Настя осторожно отпустила парня и, взяв за руку, повела в коридор. Его движения были скованы, тело как будто резко перестало слушаться, а сердце начало колотиться чаще. Он неловко пошёл за девушкой и замер за её спиной. У двери стоял Владимир в обычной повседневной одежде, без дополнительных деталей, свойственных его профессии. Он опирался рукой на стену и прислонился к ней головой. Увидев их, он улыбнулся.

– Так устал я что-то, но Слава Богу, – он перекрестился, – всё что нужно сделали, можно отдохнуть пару дней.

Мужчина снял обувь и направился по коридору.

– Пап, знакомься это...

– Ясон? Верно? – он протянул парню большую руку.

– Да, Владимир Алексеевич, – тот протянул в ответ свою.

Он не мог не заметить поразительное сходство между отцом и дочерью и их выразительную южную внешность. Он никогда бы не подумал, что мужчина с чёрной бородой и длинными забранными волосами в джинсах и толстовке

очень богатый бизнесмен. Что-то добродушное было в его чёрных глазах, морщинах и улыбке. Ясон стал чувствовать себя спокойней.

– Ну чего мы тут стоим в проходе, заходите, присаживайтесь, – он легко развернул парочку в сторону гостиной, – рассказывайте, куда ходили?

– Гуляли в Павловском парке, вон цветов нарвали, – вступилась Настя.

– О это здорово, красивое место, твоя мама любила туда ходить, когда училась.

– Мама училась в Петербурге? – Настя удивлённо подняла брови.

– Да, в Герцена, ты не знала?

– Да я особо и не спрашивала... – потухшим голосом ответила она и опустила глаза.

Владимир участливо взял дочку за руку и после неловкой паузы продолжил.

– Я помню, она рассказывала, что ей было тяжело там учиться, первый год она каждый месяц думала о том, что бросит и пойдёт работать, а потом привыкла, – мужчина замер на секунду и заговорил медленней, – Вам очень нелегко сейчас, у вас возраст такой, сложный, – он перевёл взгляд на Ясона, – не хватает кого-то рядом.

Парень сидел напротив них и молчал. Ему было тепло смотреть на эту семейную сцену, он чувствовал себя причастным к ней. Вспомнил своих родителей, семейные вечера

на севере, где собирались друзья и родственники за бессмысленными разговорами ни о чём. На него нахлынуло чувство, уже забытое и непривычное, что есть люди, которые любят тебя просто так. Чувство, что ты дома. По телу пробежали мурашки.

– Наверно это не всегда вина тех, кто нас окружает, – сказал Ясон.

Каждый понял эту фразу *по-своему*.

– Иногда, но чаще всего это просто отговорки.

– Врач не может уделять много времени семье, от него зависят жизни людей, – вмешалась Настя.

– Да, но мы не врачи, – выдохнул Владимир.

– Я так не думаю, – сказала Настя, – кто-то лечит тело, а кто-то...

Она не договорила, посчитав, что все поняли о чём идёт речь.

– Есть только один Врач, Он лечит всё. Нужно с Ним общаться, тогда одиночество не страшно, – ответил Владимир.

– А если ты... не можешь завести с Ним диалог? – робко спросил Ясон.

– Делай добрые дела и будь терпеливым, человек не создан для одиночества, где-то в мире ходит твоя родственная душа, но кто-то из вас ещё не готов к этой встрече, нужно немного подождать.

Втроём, сидя за разговором, они не заметили, как пролетело полтора часа. На улице уже стемнело, и зажглись фона-

ри. Ясон посмотрел на часы и с сожалением понял, что пора возвращаться домой. Он давно не чувствовал такую свободу в разговоре с кем-то.

– Спасибо вам за тёплый приём, но уже поздно, вы устали, я должен идти.

Настя сразу изменилась в лице, она уже была уверена в том, что он останется.

– Да оставайся у нас, здесь целая комната свободная, переночуешь, завтра Ваня с Ксюшей к обеду всё равно сюда придут, а потом вместе и пойдёте, – радушно предложил Владимир.

*

Когда все уже легли спать, Настя сидела на своей кровати, по обыкновению прижав колени к груди и закутавшись в одеяло, и думала о завтрашнем дне. Узнав о Ванином решении, девушка воодушевилась, но безумно боялась поступить подобным образом. В её голове созрел план, который тяжело было осуществить в тех условиях, в которых она находилась. Она усердно размышляла, пока усталость не взяла над ней верх. Девушка уснула...

«Тёмная аллея, состоящая из ровных рядов высоких хвойных деревьев, укутанных в белый густой туман. Девушка медленно шла сквозь непроглядную пелену, натываясь на колючие ветки. Гробовая тишина, в которой не было слышно ни малейшего шороха, угнетала. В страхе Настя остано-

вилась и, перекрестившись, закрыла глаза. Кто-то коснулся её щеки. Вздрогнув, она открыла глаза и увидела длинный древесный коридор, в конце которого стоял Ясон с большим букетом ярко-красных цветов. Она радостно рванулась в его сторону, но поняла, что не может двинуться с места. В панике она начала звать его по имени, но парень никак не реагировал. Она хваталась за ветки, ожившие и изгибающиеся под её ладонями, и пройдя пару деревьев оказалась в метре от высокого темноволосого парня. Её рука осторожно коснулась его плеча. Парень улыбнулся.

– Я так давно ждал тебя, – заговорил он, – эти цветы я сам вырастил, для тебя.

Он медленно повернулся к ней и, встретившись с ней взглядом, отскочил назад. Его ярко-голубые глаза округлились от ужаса.

– Змея! – закричал он и выкинул букет.

Настя посмотрела вниз и увидела в прозрачной луже отражение петровского змея, оскалившегося на неё. Его огромные глаза словно гипнотизировали девушку. Мгновение, и он выскочил из отражения прямо на неё.»

Настя резко вскочила в кровати. Она вся покрылась холодным потом и, тяжело дыша, пыталась перевести дух. Оглядевшись, она увидела свою привычную комнату, в которой ничего не изменилось с того момента, как она уснула. Девушка окончательно выдохнула и пришла в себя. Яркие лучи солнца усердно пробивались из-под плотных штор, за-

крывавших окно. Будильник ещё не прозвенел, значит, у неё ещё есть свободное время. Чтобы проснуться окончательно, девушка подошла к окну и, отодвинув шторы, пустила тысячи маленьких тёплых лучиков в свою комнату. Небо было абсолютно чистым, а его яркий синий цвет напомнил девушке о глазах Ясона. Она замерла от трепета и бешеного сердечного ритма. Любая мысль об обряде приводила её в такое состояние. Противный страх угодить в кошмар, приснившийся сегодня, боролся с невыносимым желанием выплеснуть свои чувства и получить, наконец, ответ на самый волнующий её вопрос. Она прошла на кухню, чтобы попить воды и успокоить свои мысли, но её взгляд сразу же упал на пушистый белый букет распустившихся одуванчиков. Настя на носочках осторожно подошла к нему, боясь сделать глубокий вдох. Ей так захотелось прижаться к этим маленьким воздушным облачкам. Легко пальцем она коснулась одного цветка, и он стойко выдержал ее прикосновение. Погасив улыбку умиления, девушка серьёзно задумалась и посмотрела на нижний ящик винтажного шкафа. В комнате отца слышались шорохи. «Надо поторопиться» – подумала она и поспешила с приготовлениями.

Через полтора часа работа на кухне кипела, Настя чистила и нарезала овощи. В гостиной было очень светло, всё вокруг было залито утренними жёлтыми лучами, которые казались осязаемыми. Девушка то и дело пыталась потрогать один из них и ощущала приятное тепло. Она по несколько раз про-

кручивала в голове свои дальнейшие действия и, задумавшись, не заметила, как на кухню зашёл Ясон. Он выглядел не выспавшимся: его глаза слегка опухли, волосы растрепались.

– Доброе утро, хозяйюшка. Уже работаешь с утра? – он говорил ещё сонно, милая улыбка осветила его лицо, и оно стало выглядеть бодрее.

– Доброе. Велика ли работа нарезать и поставить в духовку? – отмахнулась девушка, – как спалось?

– Хорошо, но хотелось бы побольше. А где... именинник? – последнее слово он сказал шёпотом.

– Поехал пробовать подарок.

– Ему понравилось?

– Мне кажется да.

Настя решила поздравить отца пока никого нет, чтобы не смущать его. Ей казалось, он был тронут её поступком и тёплыми словами, с которыми она никогда раньше к нему не обращалась. Приятное тепло разлилось по телу от смущённой улыбки и счастливых глаз. Именно счастливых. Вряд ли можно по-другому назвать это чувство.

– Давай я тебе помогу? – парень потянулся к подставке с различными ножами, но Настя закрыла их рукой.

– Нет, не стоит, я сама справлюсь, ты же гость, – возмутилась девушка.

– Я доброволец, давай, вдвоём быстрее и веселее.

Заглянув в его добрые глаза, она не могла отказать и протянула ему чистый нож. Они порезали овощи, подготовили

целого цыплёнка и, заправив фирменным соусом, придуманным Настей, отправили это всё на противне запекаться в духовку.

Через час сервировка стола полностью завершилась: на белой кружевной скатерти расположились различные закуски, нарезки, блестящие приборы и фарфоровая посуда на пять человек. К этому времени вернулся отец Владимир.

– Ну что, дети мои, смотрю, у вас тут всё схвачено, – он обратил внимание на позолоченные бокалы и поднос, стоящие на кухонном столе недалеко от плиты, – а это откуда?

– Это я там в ящичке нашла, красивые правда?

– Да, интересные, – мужчина взял в руку бокал, – поднос тоже красивый, – он посмотрел на овальный чёрный предмет, украшенный позолоченным орнаментом, – только зачем он?

– Ну для антуража... – замялась Настя.

– Обед в стиле царского пира, – поддержал Ясон.

Владимир сценически, взяв бокал в одну руку, а другой погладив бороду, нахмурил густые чёрные брови и направил грозный взгляд куда-то в сторону, частично напоминая профиль Ивана IV, и через несколько секунд вернулся в прежнее состояние.

– Ладно, пусть будет так.

Настя отправилась в комнату, чтобы привести себя в порядок. Она заранее приготовила длинное белое платье с волнистыми рукавами, украшенное кружевными вставками. Оно красиво подчёркивало её смуглую кожу, хрупкую шею,

плечи, но всё равно казалось непривычным для нее. Расчесав длинные гладкие волосы, она принялась переплетать тёмные пряди в русскую косу. Она просчитывала в голове, как сделать обряд максимально похожим, чтобы Ясон понял её, а другие нет. Сколько бы она не думала, всё равно находились нюансы, которые мешали повторить картину доподлинно.

В дверь постучали. Владимир поспешил впустить в квартиру званных гостей.

– Здравствуйте, это мы, – звонко отозвалась Ксюша.

В руках девушка держала торт.

– Здравствуйте, проходите, – мужчина забрал из рук девушки угощение.

Ксюша и Ваня зашли внутрь. Настя вышла в коридор, в то время как Ясон остался в гостиной. Увидев подругу, Ксюша оглядела её с ног до головы и подлетела обниматься.

– Батюшки, куда это ты так вырядилась? – краем глаза она увидела Ясона и повернулась в его сторону, – а вот куда. А что ты тут делаешь?

– Ксюш, я тоже рад тебя видеть, присаживайся, – ответил парень скрывая смущение.

Ксюша скрестила руки на груди и, прищулив глаза, хитро улыбнулась. Пока она отвлеклась, Настя проскользнула к Ване и тихо едва слышно спросила:

– Ты его купил?

Ваня поднял на девушку тревожные глаза и едва заметно кивнул.

– Покажи,– умоляюще попросила девушка.

Ваня, как можно тише, достал из кармана маленькую бархатную коробочку и открыл.

– Оно очень красивое, ей точно понравится.

– Я боюсь...– нервно улыбнулся Ваня.

– Да всё будет хорошо, пойдём,– она потянула его за руку.

Все сели за стол, на котором стоял горячий обед, приятно пахнущий мясом и специями. Во главе стояла расположился Владимир, справа от него Ксюша и Ваня, а слева – Настя и Ясон.

– И всё-таки, что ты тут делаешь? – не унималась Ксюша.

– Я его пригласил,– твёрдо ответил Владимир с улыбкой,– он тебе так не нравится?

– Да нет, – засмушалась Ксюша, – неожиданно просто. Я наоборот очень рада.

– А ты чего притих? – мужчина обратился к Ване,– всё в порядке?

– Всё хорошо,– ожил парень,– просто задумался. Вчера смотрел вузы, куда можно перепоступить.

– И как успехи?

– Есть несколько вариантов, ЕГЭ пересдавать не придётся, только вступительные.

– Останешься в Петербурге?

– Куда ж я денусь,– он перевёл взгляд на Ксюшу.

– Эй, не надо на меня всё сваливать,– шутя, отозвалась девушка.

Ваня легонько погладил её по плечу. Все принялись трапезничать, попутно обсуждая разные темы.

– Вот кто придумал на первом курсе вводить философию? А химия мне зачем? Они думают мне заняться нечем? – возмущалась Ксюша, – Вот если бы не химия, не пришлось бы так рано вставать сегодня.

– От одного пропуска наверно ничего бы не было, – вмешалась Настя.

– Ты правда думаешь, что я не пропускала до этого? А отрабатывать не очень хочется.

– Зря ты так, может философия тебя и правда не интересует, но химия... – сказал Ясон.

– Я же физик, а не биолог! Химия это совсем другое, ну или хотя бы давали не такую фундаментальную.

– Химия действительно ближе к физике, чем к биологии, – присоединился к обсуждениям Владимир, – многое зависит от преподавателя, конечно.

– Это правда, у нас такой неприятный старикашка ведёт.

– Ксюша... – остановила её Настя.

– Ну что Ксюша. Это правда. Вот у вас кто ведёт? Томилов? – она обратилась к Ясону.

– У меня нет химии, – неуверенно ответил он, предчувствуя её гнев.

– У тебя её ещё и нет! А у тебя? – она повернулась к Ване.

– Я не помню, как их всех зовут, – спокойно выдохнул Ваня.

– Да ну вас.

– Как хорошо, что я заочно учусь,– засмеялась Настя,– списывать бы ещё кто научил, вообще была бы красота.

– О,– сразу отозвался Ваня,– это можно, человечка научили и тебя научим,– он имел в виду Ясона.

– Ты ещё и списываешь, умник? – возмутилась Ксюша.

– Мне тоже есть чем заняться помимо философии,– улыбнулся парень.

Владимир с умилением наблюдал за этим разговором, вспоминая свою молодость. Он был рад видеть их всех в хорошем настроении.

– Настюш, принеси что-нибудь попить, пожалуйста,– попросил он.

Сердце девушки замерло.

– Да, сейчас.

Девушка неторопливо встала, чтобы не показать дрожи в ногах и во всём теле, и подошла к кухонному столу, где стояли бокалы. Она трясущимися руками взяла упаковку сока и разлила её по сосудам. Установив поднос вдоль левой руки, она поставила на него пять бокалов и понесла их к столу.

– Вау, какие красивые, я их не заметила почему-то,– сказала Ксюша.

Поднос лежал очень неустойчиво, Настя боялась уронить всё на пол или, того хуже, упасть самой. Сердце бешено колотилось, она неконтролируемо покрылась румянцем и часто дышала. Она не слышала ничего, кроме шума в ушах, и

ни о чём не могла думать. «Господи, да будет на всё Твоя святая воля». Она по очереди расставила все стаканы перед сидящими за столом, кроме одного. Вцепившись в поднос тонкими пальцами, она повернулась к Ясону и смиренно опустила взгляд. Её щёки вспыхнули румянцем, белое платье светилось в ярких лучах, проникающих в комнату через окно, толстая пушистая коса прикрывала шею и плечо. Ясон в недоумении смотрел на неё, понимая, что что-то упускает. Она была очень красивая, это единственное, о чём он думал. Недоверчиво он потянулся к бокалу, продолжая разгадывать смысл происходящего. Парень медленно поднял бокал, поставил его на стол, взглядываясь в её лицо, и слегка кивнул. Настя нервно перехватила поднос и, отвернувшись, поспешила поставить его на место. В горле встал ком, все эмоции стёрлись с её лица. Она замерла, боясь повернуться к остальным.

– Ой, я забыла, у меня в сумке ещё коробка конфет лежит, – вдруг вспомнила Ксюша.

– Я принесу, – бесстрастно сказала Настя и вышла в коридор.

Ясон понял, что что-то не так. Он остановился взглядом на бокале и задумался, пока в его памяти не всплыла картина, которую он искал для курсовой. *Поцелуйный обряд.*

– Мне тоже нужно кое-что взять, – он поспешно встал и вышел в коридор.

Настя не могла сдержать слёзы и зажала рот руками. «Я

не нравлюсь ему... или он меня просто не понял...». Оба варианта означали для неё муку. Она медленно потянулась к Ксюшиной сумке.

– Настя... – прошептал Ясон, внезапно появившись и подойдя в плотную к ней.

Девушка вздрогнула от неожиданности. Он провёл рукой по её щеке, убрав за ухо непослушные пряди, и взглянув в карамельные глаза, горячо прикоснулся к её губам. Приятное тепло наполнило тело девушки, сердце сжалось, а потом забилось трепетно. Она не могла поверить в то, что происходит с ней.

– Я люблю тебя... – шёпотом сказал он, – прости, что не сказал тебе это раньше.

Она была счастлива, светлая радость наполнила её, унося тяжесть и тревогу из сердца. Улыбка не сходила с её лица. Она обняла его крепко, как только могла. Парень обхватил её талию и заботливо погладил по голове.

– Нужно вернуться, – напомнил он.

Они зашли в гостиную с коробкой Ксюшиных конфет, как ни в чём не бывало.

– Ну и что это было? – насмешливо спросила Ксюша.

– Ничего, просто сходили за вещами, – честными глазами смотрел Ясон.

– Вы что не видите? – она повернулась сначала к Владимиру, затем к Ване.

– Не понимаю о чём ты, – улыбнулся в ответ Владимир.

– Я тоже,– согласился Ваня и, подождав немного, выдохнул,– раз уж все в сборе,– он встал,– я хотел вас всех поблагодарить за вашу доброту и заботу обо мне,– Настя покрылась мурашками, понимая, что сейчас будет,– я знаю, что был безмозглой тварью и причинил вам много боли,– он сделал паузу,– вам всем. Но больше всего тебе,– он посмотрел на Ксюшу,– я очень тебя люблю и обещаю, что это больше не повторится, я себе этого не прощу,– он замер, пытаясь успокоить дыхание. Ксюша не ожидала этой пламенной речи: следы беззаботности исчезли с её лица,– и в связи с этим я хочу спросить у тебя кое-что,– он полез в карман за бархатной коробочкой и медленно опустился на одно колено. В футляре было золотое колечко, сделанное в виде вьющейся ветви. Он жутко покраснел и слабым голосом спросил,– Ты выйдешь за меня?..

Серые глазки широко открылись, она не верила в происходящее.

– Дурак... ты шутишь?

Она закрыла лицо руками и, покрывшись багрянцем, оглянулась в поисках ответа.

– Соглашайся,– хором говорили ей.

Она заплакала. Настя потянулась к подруге и взяла её за руку. Ксюша вытерла свободной ладошкой слёзы и ответила:

–Я... я согласна.